

ЯНКА РАМ

РАЗБУДИ МЕНЯ

Янка Рам

Разбуди меня

«Литнет»

2024

Рам Я.

Разбуди меня / Я. Рам — «Литнет», 2024

- Колясочник я теперь...Это непросто принять капитану спецназа, инструктору по выживанию Дмитрию Литвину. Особенно, когда невеста даёт заднюю, узнав, что ее «богатырь», вероятно, не сможет ходить. Литвин уезжает в глушь, не желая ни с кем общаться. И глядя на соседский заброшенный дом, вспоминает подружку детства. «Татико! В какие только прегрешения не втягивала меня эта тощая рыжая заноза со смешной дыркой между зубами. Смешливая и нелепая оторва! Вот бы увидеться хоть раз взрослыми...» И скоро его желание сбывается. Как и положено в этой серии - экшен обязателен. История Танго из «Инструкторов» НОВИНКА автора уже на сайте:

© Рам Я., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1 - Депресняк	8
Глава 2 - Соседка	11
Глава 3 - Алярм	14
Глава 4 - Кое-что ценное	17
Глава 5 - Десять из десяти	20
Глава 6 - Кошка	23
Глава 7 - Друг	26
Глава 8 - Кошка и котенок	29
Глава 9 - Плакаться	32
Глава 10 - Эксперименты Татики	35
Глава 11 - Просто	38
Глава 12 - Все испортил	41
Глава 13 - "Я здесь"	45
Глава 14 - Гости	48
Глава 15 - А завтра будет утро	53
Глава 16 - Вопросы	57
Глава 17 - Капкан	60
Глава 18 - Каникулы кончились	64
Глава 19 - Близится гроза	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Пролог

- Дим, а мы когда увидимся? У меня ощущение, что ты от меня бегаешь. Я даже, знаешь... Пару раз приезжала к тебе. Постояла у дома. Окна не горят.

- Кира... Я правда не могу.

- Это потому что я тебя по поводу не сделанного предложения укусила?

- Нет...

- Предложение будет?

- Мхм... - невнятно мычу я. - Потерпи пару недель, ладно? Работа.

Медсестра открывает дверь палаты.

- Не могу говорить, Кириш, Извини.

Скидываю вызов.

- Литвин, к вам посетители.

- Кто?

Неужели Кира нашла? Бля-я-ять...

- Сослуживцы.

- Аа...

- Пригласить?

- Конечно!

Инвалидное кресло уныло стоит у окна.

Друзья, присев на подоконник, хмуро скользят взглядами по моим ногам, спрятанным под простыней. Их широкие плечи и крепкие тушки делают палату зрительно ещё меньше.

Я дико устал от этой палаты!

- Ёб твою так... Танго, - делает фейспалм Гордей. - Как это могло произойти с тобой? Где был твой хваленый телесный интеллект?!

Я - "Танго". А Гордей у нас "Псих", Тимофей - "Йода". Это - позывные, оставшиеся ещё со времён военного прошлого.

- Поохотился, да? - скептически вздыхает Йода. - Только - согласно кодексу Джедаев оружие в руки надо брать.

- Ну, ты знаешь, тоже не вегетарианец!

Друзья приехали сразу, как вернулись со сборов.

Вздыхаю.

- Долго ты здесь уже?

- Третья неделя... Курить хочется, жуть.

Йода открывает пошире окно. Прикрывает плотнее дверь палаты и даёт мне сигарету.

- Спасибо, друг.

Гордей бесцеремонно приподнимает край простыни, оглядывая масштаб трагедии.

- Не подглядывай, - невесело пытаюсь шутить я.

Качает головой.

- Эк тебя расхерачило...

- Кира твоя где? - щелкает мне зажигалкой Йода. - Медсестры сказали, что к тебе кроме тетки и жены Ершова не приходит никто.

Божена, жена Гордея, ходит исправно, то еды домашней принесет, то на кресле этом злоебучем по больничному парку прокатит. Я очень благодарен.

А Киры моей здесь не было. И не будет.

Жадно затягиваюсь дымом. В палате курить нельзя. А из палаты без чужой помощи мне не выбраться.

- Я Кире не сообщал.

- Почему? - складывает руки на груди Гордей.

- Кира... - вздыхаю я. - Она немного из другой вселенной. Она не про "мясо". Не представляю ее в роли сиделки.

- То есть, предложение она хочет, в "богатстве, счастье и здравии" - принимает, а в "горе, болезни и бедности" - не ее вселенная?

- Какое сейчас предложение, Гордей? Я члена-то своего, считай, не чувствую. Пойми, мне тяжело с женщиной общаться. Я, хер знает, чем все закончится. С Боженой вот, как с сестрой могу, с тёткой могу... А так - мне даже с молодыми медсёстрами неловко, блять.

Йода забирает у меня сигарету, стряхивает пепел в окно и возвращает.

- Что врачи говорят?

- В госпитале том затрапезном... воткнули мне что-то серьезное от болевого синдрома и чтобы расслабить мышцы. Куда-то в район копчика. Чтобы мои гипертрофированные мышцы не смещали геометрию раздробленных костей. Кости худо-бедно срослись, чувствительность не восстанавливается. Расслабили, блять! Что-то пошло не так. Я нихуя не чувствую... И ноги почти не слушаются. Меня предупреждали о таких рисках, когда ставили, но... я в шоковом был. Нихера не мог оценить.

- Когда сможешь ходить?

Пожимаю плечами.

- Неврологи говорят ждать возвращения чувствительности. ЛФК, массаж, витаминки...

А так - вот мое ближайшее будущее.

Киваю на инвалидное кресло.

- Могу и вообще не встать.

- Нда... Дела, - вздыхают друзья.

- Мужики, из съемной квартиры нужно мои вещи забрать. Поможете?

Снимаю я на пятом этаже в доме без лифта. Мне туда ни при каком раскладе не подняться сейчас.

- Конечно, братишка. Какие планы теперь? Чем помочь?

Хороший вопрос...

- В родительский дом поеду. В квартире я чокнусь. Отвезёте?

- Не вопрос. И пандус надо там сделать... - обсуждают друзья. И поручни - в ванной и у кровати. У меня дед инвалид был. Спасали очень.

- Пиздец... - закрываю глаза. - "Инвалид". Дайте ещё сигарету.

- Ну-ка, не сдуваться, капитан Литвин. Прорвёмся...

Глава 1 - Депресняк

- Димочка, ты оладьев хочешь?

А "Димочка" - конь в сто кило мяса и ему уже тридцать четыре. У него за спиной спецназ, опыт боевых действий и несколько ранений. Но для тетки я всегда - Димочка.

Она живёт недалеко от родительского дома, и присматривает за ним. А сейчас и за мной.

- Хочу...

Скучая, пытаюсь поднять кресло на задние колеса и сделать пируэт.

А - да... ещё, бальные танцы по детству. И гитара.

И все это счастье умещается в инвалидном кресле.

С тоской смотрю на костыли в углу. Не получается пока на них толком.

Эх...

Ничего я не хочу. Ни оладьев, ни борща. Да только тётку расстраивать не хочется. У нее кроме меня никого нет.

А так - я теперь затворник. Никого не хочу видеть. Ни с кем не хочу общаться.

Депресняк?

Да.

Здесь у нас, конечно, шикарно. Природа, все удобства.

Дом я полностью отреставрировал и достроил высокую террасу.

Разглядываю маленький соседский домик до неприличия уже увитый плющом. Там хороший сад. Низкий заборчик между их садом и нашим обрушился. И нужно делать. Или, наоборот, совсем убрать.

Последний раз тут жили, когда я ещё был ребенком.

Там жила старая грузинская бабушка, к которой на лето приезжала мелкая и невыносимая греза Татико! В какие только прегрешения не втягивала меня эта тощая рыжая заноза со смешной дыркой между зубами. Смешливая и нелепая оторва!

Улыбаясь, вспоминаю, как постоянно получал пиздючек за ее воплощённые идеи. Последняя - достать упавшего в колодец кота. А потом всем селом доставали меня! И горела от ремня моя жопа ещё неделю.

А потом эта бабушка умерла и Татико перестали привозить.

Все пришло в запустение.

- Может, соседский сад выкупить, тётъ Валь?

Земля здесь стоит копейки.

Тётя Валя переехала сюда уже позже, после смерти родителей.

- Купили, говорят...

- Почему не следят?

- Не знаю.

- А что с массажистом?

- Сходила я в нашу поликлинику... Да какая там у нас поликлиника. Четыре врача. Нет у нас массажиста. Придется из города вызывать.

Тыкаю пальцем в бедро. И чувствую давление где-то очень глубоко, не кожей и больше через палец.

Спускаюсь по пандусу, сооруженному друзьями, в сад.

Останавливаюсь перед сломанным проёмом.

Чувствую легкий запах дыма.

Отводя в сторону высохшую ветку, заезжаю к соседям.

Тот самый старый, заваленный как пизанская башня, колодец. И на старой черешне, на уровне моих глаз "Митяй и Тати", корябали ножом, прорезались оба. Сейчас, практически не

разобрать, кора затянулась. Это не классическое признание в любви в сердечке, типа Саша плюс Маша. Никакого плюса. Никаких сердечек. Мы были кентами. Но дохера романтического было в той детской дружбе.

Вот бы встретиться хоть раз уже взрослыми!..

Какая она стала?

Меня точно ни за что не узнает. Я был белокрысый, тощий сколиозник, с брекетами. Брр... И единственный спорт куда меня удалось пристроить - спортивные танцы. Там всегда не хватало пацанов, и брали все, что может хотя бы постоять рядом с партнёршей для антуража.

Волосы мои давно потемнели, зубы выровнялись, а тело изменилось диаметрально.

Не узнает, в общем, даже если где-то случайно пересечемся.

Веду пальцами по коре.

Вздыхнув, еду обратно.

Много думаю о Кире. Она ждёт предложение... И я хотел бы, наверное. Только вот чего конкретно я хочу? Брак по версии Киры уместается в само событие свадьбы и в дальнейшем сожительстве. А я хочу большего. Хочу тыл. Хочу "дом". Как у Гордея хочу. У них, вот уже второй на подходе. Я немного завидую. По-доброму. Но Кира... Кира - это не Божена, которая за Гордеем и в огонь, и в воду. Кира она... хочет сильного мужчину, чтобы иметь возможность остаться беззаботной. Кира настроена на лёгкую приятную жизнь. Она не то, что к инвалиду, она к ребенку не готова. А кто не хочет лёгкую жизнь? Сложно ее винить за это, да? Она молода и прекрасна.

Но она не жена военного. Быть женой военного - это тоже "служба".

Пересиливая себя, отвечаю на ее очередной вызов.

Обижается на меня...

- Дим, ты меня любишь?

- Люблю...

- Скажи мне честно тогда, где ты?

- Честно? - улыбаюсь я. - Я выполняю тайное задание правительства. И сейчас нахожусь на орбите Сатурна. Выбираю тебе кольцо.

Ну, предложение я допустим сделаю. Я же обещал. Да только примет ли теперь?

Это всё жалко и неправильно.

- Очень смешно!

- Не смешно? Раньше ты смеялась над моими шутками.

- Дим... Я люблю тебя. Я ничего не понимаю.

- Извини, Кирюш. У меня неприятности. Я пытаюсь их разрулить.

- Это долго ещё?

- Я не знаю, - срывается мой голос на нотку отчаяния. - Не от меня зависит.

- Ты скучаешь хотя бы?

- Конечно.

- И хочешь меня?... - игриво прощупывал почву.

- Хочу.

Ну как - хочу... "Хочу" - это та роскошь, потеря которой пугает меня не передать как! Но как есть, надо быть честным с собой. С момента инъекций, я больше полноценно не "встаю". Ни порно, ни фантазии эффекта не дают.

- А включи видео, - манящим шепотом. - Я устрою тебе горячее шоу. Хочу увидеть как ты меня хочешь...

- Не могу. Прости. Я перезвоню.

Нет, я не перезвоню... Это очень тяжело - имитировать страсть и любовь, когда в душе страх, тоска и ощущение, что жизнь внезапно зафиналилась.

Вернее, жизнь то как раз мощно и полноценно проносится мимо. Зафиналился я.

- Димочка, ты бы побрился, - гремит посудой тетка.
- Не хочу...
Смысл?

Глава 2 - Соседка

Рассматриваю инсту Киры.

Новые фотки. Центр Москвы, подружки... Букет. Это я ей вчера заказал. А чуть дальше по датам, несколько наших общих.

"Мой богатырь! Люблю-люблю..."

На фотке моя шея в ее помаде. И ее рука с острым маникюром на моей груди.

Улыбаюсь, ловя ту эмоцию. Ощущение силы, красивой женщины рядом, мужской власти, ощущения обладания этой женщиной.

Это всё казалось, само собой разумеющимся. Она хвасталась мной. Мне было по кайфу хвастаться Кирой. И все было супер у нас. В моменте. Но мне хватало момента! В Москве я жил набегами. Появлялся раз в месяц, на несколько дней, и мы отлично проводили время.

Открываю переписку с Йодой.

"Танго, мне твоя фея телефон оборвала. Мы с Гордеем приедем завтра. Будет правильно, взять ее с собой. Как считаешь?"

И мой ответ: "У меня нет однозначного прогноза на ситуацию. Хотелось бы, сначала его получить, а потом..."

Йода: "Это не имеет значения, Танго. Допустим, сейчас ты полностью восстановишься. А ты восстановишься..."

Мне бы эту уверенность!

Читаю дальше.

"...Женишься. А через месяц снова получишь травму такого рода. И что? Человек или готов быть с тобой, независимо от обстоятельств или нет. И если нет, то о каком браке вообще речь? Жена не должна быть "по обстоятельствам". По обстоятельствам - это весело потрахать в выходные. Расскажи ей. Пусть она примет решение. Тебе самому полегчает. Думай, жду ответ".

Это ровно то, что я бы сказал любому из них.

Это правильно.

Но пиздец, как тяжело, когда дело касается тебя лично!

Пересиливая себя, пишу ему: "Окей. Ты прав."

Пялюсь на зелёные кроны. В солнечном сплетении - камень.

- Прорвёмся! - рычу тихо.

Машинально дёргаю, кресло, поднимая его на задние колеса. Мое тело сучает без движения.

Горные велосипеды, трюковые самокаты, ролики, скейты - это всё моя история. Обожаю играть с балансом.

И балансируя сейчас, на этой, совершенно не предназначенной для трюков лошадке, напрягаю все мышцы, чтобы удержать ее.

Вооот! Уже отлично получается.

Неожиданно кресло выходит из под контроля. И я лечу на нем на спину. Успеваю сгруппироваться, поджав вперёд голову, чтобы не треснуться затылком.

Удар не слишком чувствительный. Но поза так себе. Как будем подниматься, капитан Литвин?

Отстегиваю ремень. Выкатываюсь из коляски.

Валяясь на спине, прикуриваю сигарету.

Как-нибудь поднимусь.

Здесь, в саду на деревьях резинки, брусья и кольца. Самодельный комплекс для реабилитации. Пацаны мне замутили.

Я забиваю... Душевных сил не хватает. Хочется лежать, смотреть в стену. Потому что проблема у меня не с мышцами, а с нервными путями. И я не уверен, что тренировки хоть как то повлияют на это.

- Да чтоб тебя, зараза! - слышу женскую ругань.

Это со стороны соседского участка.

Грохот.

- С Вами все в порядке? - напрягая пресс, поднимаюсь на локтях.

Там женщина...

Упирается руками в торец старого массивного бревенчатого колодца.

- Нет! - панически. - Помогите пожалуйста!

- Увы, я не могу.

- Зачем же тогда спрашиваете? - бросает на меня сердитый взгляд. - Лежите, загорайте дальше.

Не видит моё кресло?

И так бывает, да.

- Бревно сейчас вывалится прямо Вам на ноги. Это лиственница. Тяжёлое. Вам нужно отскочить не назад, а вращением уйти в сторону. Иначе перебьёт кости.

- Ну спасибо за помощь, что сказать...

- Делайте что говорю, пока ноги не переломали! - рявкаю на неё.

- А вы спец? - с сарказмом.

- Да. В переломах ног, в частности. Давайте, отводите ногу в сторону. Переносите вес на нее... И оттолкнувшись, разворот на девяносто градусов вокруг оси опорной ноги.

- Черт! - наблюдаю, как дрожат ее руки от напряжения.

- Ну!

Давай, давай, давай...

Взвизгнув, делает как сказал.

Бревно пролетает от ее колена в сантиметрах. Гулко грохаясь, подскакивает, раздавливая на своем пути пластиковый ковш.

- Уф... - выдыхаю, падая на спину.- Разберите его к черту и засыпьте. Чего Вы туда полезли?!

Ему лет сто, наверное.

- Спасибо вам за все советы! - упирает руки в бока. - Только я без вас решу...

Осекается.

Наверное, увидела мое инвалидное кресло.

- Ооо... Это - ваше?

- Моё.

- Простите ради бога, - смущённо закрывает ладонью глаза. - Извините.

- Бывает.

Ухмыляюсь невесело.

- А... Как же вы обратно сядете на него? - подходит ближе.

Ставит его на колеса.

- Справлюсь, не волнуйтесь.

В шароварах и белом топе. На голове белая бандана. А может просто платок, повязанный как бандана. Лет тридцати, может. Без макияжа, со сгоревшим носом и веснушками. Зеленоглазая. Взгляд как у лисицы.

Приятная барышня...

Присаживается рядом.

- Я - Таня, - тянет руку, белоснежно улыбаясь.

- Дмитрий, - пожимаю.

- Давно купили дом?
- Давно...
- И как мы с вами раньше не познакомились?
- Это Вас просто боженька берег!
- Ха-ха...

Веселая.

- А колодец я закопать не могу. Будут деньги, я его отреставрирую.

Ложится на спину на траву рядом со мной.

Не желая этого, все равно своими мужскими фибрами ловлю, что грудь у нее вау какая!...

За ушком татуха. Крошечная черная обезьянка.

Прикольный выбор!

- Угостите сигаретой.

- С удовольствием.

Вытягиваю руку вверх с сигаретой, отвожу в ее сторону. Забирает своими тонкими пальцами. Щелкаю зажигалкой прикуривая.

Она смотрит на листву.

Я кошусь на ее грудь, под тонкой тканью топа.

И под порывами прохладного ветра, соски твердеют. А когда она затягивается, расслабляются.

Улыбаясь, не спеша отвожу взгляд. Забывая даже на минуту про свою неполноценность. И купаясь в маленьких мужских кайфах. Просто мужчина, просто женщина... Красивая, интересная...

- Откуда Вы к нам, Таня?
- Из плохого места, - усмешка.
- Сильно плохого?
- Мхм... - невнятно мурлычет она.

Докурив, убегает.

А я ещё долго валяюсь, пялясь на кроны и облака.

Глава 3 - Алярм

И как прикажете встречать гостей? Стол накрыть?

Вроде как не праздник...

С утра маюсь. Кусок в горло не лезет. Тётушку попросил сегодня не приходить.

Тахикардия нарастает с каждой минутой.

Кидаю кости на раскрытой доске с нардами. Играть не с кем. Кидаю на удачу. Если выпадет дубль, то все в итоге будет хорошо.

Расслабляю пальцы, кости с характерным стуком прыгают по доске. Шесть-шесть!

Круто.

Да только с трудом верится в такие исходы на максималках.

И я бы сейчас бахнул коньяка, чтобы немного расслабиться. Но он, зараза, стоит в буфете на самом верху.

Нет, я, конечно, все переживу. Но внутри очень дерьмово. Ведь, ноги ещё пол беды. Надо сказать своей женщине, что ты больше не мужчина. А тут уж...

Ну где же они. Ожидание казни, честное слово!

Выезжаю на террасу.

На крыше соседнего дома вижу Татьяну с пилой.

Какая самостоятельная дамочка!

И она мне навевает мою Татико. Та тоже была "Карлсоном, который живёт на крыше". Но этого не может быть. Имя, конечно, можно сменить, но дом был продан уже пару раз. Да и слишком большие несовпадения внешне - нет главного предмета гордости Татико - горбинки на носу. А также предмета ее вечной скорби - большой щербинки между зубами, да и на голове не рыжие пушистые три волосинки. Тати была откровенно страшненькой, а эта... очень привлекательна.

Никак не бьётся эта история.

- Татьяна! - кричу я.

Оборачивается.

- Вы бы аккуратнее там, крыша старая.

К тому же ветрено и накрапывает дождь. А там ещё и провода.

Поднимая руку показывает мне "ок". Ветер в ее сторону, и ответная реплика растворяется в порыве.

"Слезайте немедленно!" - набираю воздуха в грудь, чтобы крикнуть.

Слышу, как подъезжает машина.

Дергаюсь. Провожу рукой по обросшему лицу. Вот что тебе мешало побриться, Литвин? Из принципа? Да, блять! Чего уж тут красоту наводить, когда...

- Танго! - слышу голос Психа.

Разворачиваюсь, цепляюсь колесом за деревянную балясину.

Беззвучно матерюсь, дёргая коляску. Она наконец-то поддается. Но рука срывается, и разбиваю костяшки. Не чувствую ничего от волнения.

Поднимаю взгляд.

В раскрытых двойных дверях на террасу - Псих и Йода. Между ними миниатюрная Кира. Пауза...

Кира закрывает ладонями лицо, оставляя только немигающие глаза.

- Привет, Кир, - хриплю я.

Друзья проходят, молча по очереди пожимая мне руку.

- Мы прогуляемся пока.

Спускаются с террасы в сад, уходят к мангалу. Там нужно нарубить дров. Самому мне тяжело.

Оперевшись на косяк, Кира стекает на корточки.

Обычно, она всегда бросается мне на шею при встрече.

"Обнимемся, поцелуемся?" - хочется поязвить мне, чтобы немного поставить броню на происходящее. И до кучи выкатить ей кольцо с предложением, которые она так просила.

Но я не позволяю себе. Кира же не виновата в том, что со мной произошло.

Кто-то должен начать диалог.

Проезжаю мимо нее.

- Пойдем в дом.

Послушно заходит следом.

Опустошенно смотрит на меня сверху вниз.

Снизу вверх смотреть на женщину - такое себе, скажу я вам, если она не сидит на твоём члене, конечно.

И мы долго ещё молчим. Сигареты где-то оставил... - ощупываю карманы.

Набираю побольше воздуха.

- Хорошо выглядишь, детка.

И правда хорошо. Видно, что с иголочки сегодня. Макияж, укладка, каблук.

Она открывает рот, и не найдя что сказать, закрывает его. Губы дрожат.

- Нда... Такого "богатыря" в инсту не выставить, верно? - пытаюсь пошутить для разрядки обстановки, но получается очень жёстко.

По ее лицу начинают течь слезы.

Мне хочется, чтобы она мне врезала за эти слова. Чтобы сочла это оскорблением.

Но Кира, наверное, ещё слишком молода и не бита, чтобы понимать такие тонкости.

- Ты, наверное, хочешь спросить - навсегда ли это?

Кивает, поправляя прядь волос.

- Не исключено.

Начинает плакать навзрыд, взгляд стекленеет.

Я злюсь...

И не могу понять почему я злюсь на неё.

- Кира, хватит! - сдержанно рявкаю я.

Свет внезапно гаснет, комната погружается в сумрак.

- Кира, послушай. Ты сейчас вернись в машину к Тимофею, подождёшь их, уедешь. Переваришь всё. Если захочешь, потом поговорим.

Смотрю хмуро на ее рыдания. Не могу отыскать в себе сил, чтобы утешать и обещать что-то.

Мне самому, если уж по чесноку, нужны утешения и обещания. Я, блять, слаб духом пока.

Если она скажет, мне плевать, я остаюсь, я найду силы на что угодно, клянусь.

Если скажет, не моя история и уедет. Я, наверное, тоже найду силы на все.

Но не вот это, пожалуйста!

Тук-тук - в косяк открытой двери.

- Я дико извиняюсь!.. - прикладывает ладонь к груди Татьяна.

К практически просвечивающий через мокрый топ груди.

Мое брови взлетают вверх.

Челюсть падает от слишком откровенного зрелища. Тема сисек раскрыта полностью!

- Алярм, короче. Вы мне срочно нужны.

- Э-э-э... - стреляю взглядом на истерично рыдающую Киру.

- Поверьте, истерика подождёт. Если, никто не умер, конечно.

- Все живы. Что случилось?

- Я пилила ветки, которые проросли через провода и шатали их. Одна из веток, когда падала оборвала ваш провод. И... он под напряжением упал прямо на дорогу. Там лужи и дождь. Если кто-то пойдет там, его убьет.

Натягивает извиняющуюся улыбку, разводя руками.

- Таня... Вы, блять, ненормальная?! - встают дыбом мои волосы.

- Да, - покаянно. - Вся надежда на Вас...

Вот тебе и шесть-шесть!

Глава 4 - Кое-что ценное

Мой дом предпоследний на нашей улице, Татьянин - последний. Дальше - небольшое поле и лес.

До местных электриков мы не дозвонились. Сегодня воскресенье, да и дождь усиливается, обрывая связь.

Поэтому решили действовать своими силами.

Стоя на деревянных поддонах оглядываем издали масштаб трагедии.

Провод периодически потрескивает и искрит.

- Короче, вы здесь никого не пропускайте, - осматривает местность Гордей. - Мы попробуем вскрыть трансформатор и отрубить напряжение.

- А вы умеете? - прикусывая губу уточняет вредительница.

- А у нас выбора нет! - улыбаясь, дёргает бровями Йода. - Кто кроме нас?

Его взгляд съезжает на ее грудь.

Она тоже опускает свой следом.

- Оу.

Невинно хлопая ресницами, скрещивает руки на груди.

- Я могу помочь, кстати!

- А Вы, Татьяна, электрик?

- Нет, но я... сообразительная.

- Это мы заметили, - фыркаю со смешком.

- Танго, придержи барышню, а то, боюсь, всю округу без света оставим.

- Эх!.. - поднимает она мечтательный взгляд в серое небо.

Заправляет прядь за ухо. Там - обезьянка. И я, кажется, начинаю понимать ее выбор. Тотем? Ей идёт...

- Нужны резиновые сапоги, перчатки... - перечисляет Гордей, обсуждая с Тимом.

- В сарае всё, - отправляю их.

Качая головой, снимаю с себя тельняшку, протягиваю Татьяне.

- Благодарю! - делает она лёгкий реверанс, не опуская рук.

И отворачиваясь, натягивает мою тельняшку. На ней - как чуть великоватое платье.

Тонкие шаровары промокли и облепили ноги. Босая. На одном из пальцев - колечко. Маникюр на больших пальцах - подсолнухи.

Забавная...

И при том, что женщина довольно красивая, пафос и горделивость явно обменены на ухмылочку и шиложопость.

Отвожу взгляд.

Ловлю голым торсом дождь. Кайф...

И даже первый раз за все это время улыбаюсь от удовольствия, глядя на серое небо.

И теперь она искоса разглядывает мою обнаженку. И взгляд ее такой откровенно и наивно впечатленный... Что я снова забываю о своих проблемах. И, выебываясь, подергиваю слегка мышцами.

- Чем расплачиваться будете, Татьяна? - шутливо нахмуриваю брови.

- Есть у меня кое-что ценное... - срывается вдохновенно в сторону своего дома.

- Стоять! - хватаю в ужасе за тельняшку, дёргая на себя. - Напряжение!

С воплем взмахнув руками, летит назад.

Не задумываясь слишком, корректирую траекторию так, чтобы приземлилась ко мне на колени. Все остальные версии - негуманны.

- Ай-ай-ай!

Уверенно впечатываю в себя, задохнувшись от ощущений женщины в своих руках.
Я по нему пиздец как соскучился.

- Ой... - смотрим друг другу в глаза.

Наши носы близко. Сердце грохочет.

Набираю побольше воздуха в грудь.

- Татьяна, Вашу мать!

- А давайте, на "ты"? - смешливо морщит нос.

И вот как ее отчитывать?

- Что там у вас такого ценного?

Мое дыхание сбивается.

- "У тебя" ... - хрипло исправляюсь я.

- Я в подвале вино нашла и коньяк, - дёргает многозначительно бровью. - Из отличного винограда, больше двадцати лет выдержки. Одна - сопьюсь. А так - дровосеков ваших угощу, и вам - даму отпоить.

- Ах да... - вспоминаю о Кире.

- Уже можно меня отпустить, - шепотом.

Отдергиваю поспешно руки.

Татьяна, вспорхнув, покидает мои колени.

Чего это я?..

Пульс оглушает, в горле ком.

Озадаченно прислушиваюсь к себе. За последние пару месяцев, она единственная женщина, которая реагирует на меня как на мужика, а не на объект жалости и сожаления. Вот и сносит немного башню.

Действительно есть у нее кое-что ценное - вот это.

Но вообще-то, это она зря. Потому что я всё ещё "объект жалости".

- Ну, всё! - возвращаются мои "дровосеки". - Сидеть вам до завтра без электричества.

При Кире неудобно просить друзей о помощи, ну что ж теперь?

И я прошу принести дров для камина, свечи достать, ещё по мелочам...

Татьяна возвращается со спиртным. Оно в старых бутылках в форме виноградных лоз. Закрыто пробковыми крышками. На каждой самодельная этикетка. Там синим карандашом и неровным почерком дата розлива.

- Ого! - разглядываем мы.

Это ещё бабушка Татико делала... Готовила она, конечно, просто атас! Особенно беляши из осетрины и лосося.

Отец Тати работал где-то на севере вахтами. И нам - "рахитикам", как звала нас ее бабушка, пихали с ней по детству ненавистную красную и черную икру - "витамин Д", и вот, беляши. Это дело мы уже очень уважали! Поедая тазами. Но корм был не в коня.

- Да это целое состояние. - нюхает коньяк Йода. - Не жалко?

- Берите-берите! Хорошим людям не жалко. С благодарностью от меня и моей печени!
- хихикает Таня.

Кира сидит никак не участвуя в происходящем.

Я киваю всем незаметно на выход, показывая на часы на руке, чтобы подождали ее после разговора.

Жмём руки.

Татьяна провожает друзей, развлекая их.

Мы остаёмся вдвоем с Кирой.

- Переварила?

- Угу...

- Чего скажешь?

Пожимает растерянно плечами.

- Ну... тогда, пока? - выдыхаю тихо.

- Я понимаю, что нужно остаться, - ведёт рукой по волосам. - Но я, Дим, не могу. Родители завтра утром приезжают. У них ключей нет.

- Конечно.

- Я когда их провожу... Я приеду. Как смогу.

- Обязательно, - на автомате кидаю я.

Мне, если честно, плевать что она говорит сейчас, я жду - прикоснется или нет. Потому что я все могу понять - и шок, и неадекват.

Но как не прикоснуться к любимому человеку после разлуки - нет, не могу.

И если обнимет, поцелует и я почувствую близость и поддержку, а не эту истерику, я готов, блять... реально свернуть горы!

- Я правда приеду, Дим.

Киваю.

- Там ребята ждут, Кир.

Встаёт.

- Ну, пока... Иди.

Проходит мимо меня. Притормаживает. Опускает взгляд на мои бедра. Венка на ее шее бьется. И я ловлю что-то такое невыносимое от нее во взгляде.

Растерянность, отчуждение, смущение, жалость и даже может быть... брезгливость?

А может, это я себя уже накручиваю.

Слезы опять начинают литься у неё из глаз.

Поспешно вытирает, размазывая окончательно тушь.

Наклоняясь, целует неловко в щеку, словно тыкается губами на ощупь.

Нахуй мне этот поцелуй в щеку?! - обтекаю я.

У меня что рта нет теперь?!

- Все будет хорошо, - шмыгает носом. - Мы найдем врачей, да?

- Обязательно.

- Ведь, шанс встать есть, да?

- Ага... Иди, Кир. Счастливо.

Смотрю ей в спину.

Мне стало легче?

Да вот что-то нихера...

Лучше бы уж обрубил.

Открываю коньячок, делаю обжигающий глоток из горла.

Становится чуть проще и теплее.

Переживём!

С бутылкой и сигаретой, стою на коляске в дверном проёме на террасу.

Может, всё-таки Тати?

Но, неужели она бы не спросила про меня?

Не-е-ет...

Тати бы спросила! Да и по возрасту чуть-чуть не дотягивает. Тати старше.

- Эх!... - смотрю в серое небо.

Глава 5 - Десять из десяти

Когда совсем темнеет, на пороге мой террасы снова появляется соседка.

Под старинным зонтом-тростью со сломанной спицей. И с фонарем.

У меня темно. Ни свечи, ни фонарей, ни камина.

В моей бутылке сильно поубавилось коньяка. И правда роскошный...

- Дай угадаю, что-то опять случилось?

- А вот и нет! Просто у тебя не горят даже свечи, я пришла спросить, все ли в порядке.

- Да, в порядке... Завис на дожде. Сейчас растоплю камин.

- А ещё я пришла попроситься на партию в нарды.

- О как... интересно.

- Но меня можно вежливо послать, я не обижусь.

- Посмеешь выиграть, так и сделаю.

Зловеще хихикает.

- Или начнёшь под кожу лезть с душевными разговорами.

- Я - исключительно под ногти! Ржавыми иглами.

Смеясь подкидываю дров в камин. Таня зажигает свечи.

Разжигаю дрова "долгими" спичками, бросая несколько штук в камин. Наклоняться - та ещё радость. Ремень не пускает. Отстегнуть ремень - можно вывалиться. Бесит...

Закрываю каленое стекло.

Отставив стул с одной стороны стола, подкатываюсь ближе.

- Если хочешь коньяка, возьми в буфете бокал.

- Ой, а можно?..

- Говорю ж - возьми.

- Нет! Вот их.

Оборачиваюсь.

Опираясь на костыли, со стуком ходит по комнате поджав одну ногу.

Слегка охуевше смотрю на неё.

- Всегда хотела попробовать!

- Ну и как?

- Прикольно! Но сложно...

Продолжает ковылять.

Кидаю кубик.

- Четыре.

Зависнув на костылях кидает тоже.

- Двойка. Не мой день! Твой ход.

Играем... Она так и висит на костылях, не присаживаясь.

- А ты здесь совсем одна?

- Не скажу! Вдруг ты маньяк. Пять-пять! - радостно.

Прикусив губу гордо вышагивает фишками свой дубль.

Скачет на костылях до буфета. Тянется рукой, открывает верхний шкаф.

Один костыль с грохотом падает.

- Оо... какая незадача.

Прыгая на одной ноге, эквилибрирует поднимая его.

Тихо угораю над ней.

- Ты, видать, сильно в своем плохом месте скучала.

- О, да.

- Ходи, давай.
- Ковыляет ко мне.
- Да, присядь, не скачи. И так от них тошно.
- Послушно садится, переставая дурачиться.
- Продолжаем играть. Пьем коньяк.
- Вау! Гитара... - отвлекаясь, тянет к себе.
- Играть не буду, - категорично отмахиваюсь.
- Пф! Я сама могу.
- Да ладно?
- Да-да...
- И поешь?
- И пою!
- Спой... - откидываюсь назад, грея бокал и забывая про партию.

Саунд-трек: МояМишель- Дура.

Вытаскивает из чехла. Разминая пальцы перебором стучит по барабану. Начинает неплохо наигрывать перебором мелодию. Не в три аккорда, а вполне себе достойно.

- "Ты говоришь блок плох... Читай Мариенгоф... Ты пишешь как Жан-Жак, ругаешь за пожар..."

Расплываясь как пацан от пьяненькой игривой нежности.

- "Я же твоя дура... Трала ла ла лай..."

- Ахаха, - не выдерживаю я.

- "Нам вместе бороться тьму!

Конфет, дарёных в "Му-Му"...

И на лицо схожесть,

Влюбись, если сможешь!"...

- Это охуенно, если честно. Это прям твоё!

- Обидеть маэстро может каждый! - обиженно прищуриваясь, стебется она.

Камин трещит, дождь льет, свечи горят. Красота! Прямо жить хочется.

Кидаю кости. Хожу.

- Эй! Мошенник! У себя было четыре, а не шесть!

- Да? Черт... Темно, не заметил.

- Рассказывай... - подозрительно.

Я проигрываю в хлам.

- Это потому что я пьяный! - оправдываюсь я. - Завтра тебя выиграю.

- Не хлюзди!

- Спой мне ещё.

Меня рубит...

- Есть у тебя колыбельные в репертуаре?

- Колыбельные? - хмурится, переставая улыбаться. - Есть...

- Можешь?

- Могу...

Саунд: Мельница -Славянскаяколыбельная(cover)

Слушаю ее тихий вкрадчивый поначалу голос, который набирает силу.

- "Там хитрые змеи, там вещие птицы, там люди без песен и глаз... - закрываю глаза и лечу куда-то в ассоциации. - Они под полой прячут души и лица, но чем-то похожи на нас..."

И слушая эту колыбельную, реально ощущаю себя богатырём или витязем из какой-то сказки. Что-то такое есть там... Как дежавю от наших лесных марш бросков на выживание. А ещё когда тебя забрасывают в какие-то точки с альтернативной культурой...

И словно я маленький пацан, а мне рассказывают мое будущее в этой колыбельной.

Она заканчивает, проигрывая медленные последние аккорды.

Я открываю глаза.

- Десять из десяти... - благосклонно киваю я.

Задувает свечи. Кладет поверх нард гитару.

- Спокойной ночи... - тихий шелест.

Выскальзывает на террасу, прикрывая за собой двери.

А я, улыбаясь, смотрю вслед.

Классная...

Глава 6 - Кошка

Соседку второй день не видно, не слышно. И пьяненькие наши посиделки начинают превращаться в сон.

Единственное, что делает Таню абсолютно реальной, это бригада электриков у столба. Чинят.

И эта обезьянка даже не крутится рядом. Странно это...

Мои скоро уйдут в тайгу. И мне тоскливо... В лес хочу. Чая хочу таёжного.

Дергаю в саду листья для чая смородины, малины... Ещё бы хвойного и диких трав.

Но в саду этого нет.

Через поле что ли прогуляться? Проеду я там после дождя?

Солнце вчера вообще-то неплохо подсушило землю.

Решаюсь, рискнуть. Проверяю зарядку на телефоне. Если что-то... Позвоню тетке.

На автомате пробегаю взглядом по мессенджерам. От Киры ничего не жду. С Кирой я внутренне попрощался, и стало отпускать.

Нет, не потому что я встал в стойку по поводу другой женщины. То, что мне понравилась шизанутая соседка... так это больше человеческая симпатия. Она словно "своя" в доску. И никаких нет от нее женских сигналов в мою сторону. Нет в ней этого - стремления вызывать у каждого мужчины желание и заинтересованность. Нет жеманства, кокетства, позерства пропитанности флиртом. Какая-то она естественная и расслабленная донельзя. Но красивая, зараза...

А может, просто лично меня не рассматривает как мужчину. Что вероятнее всего.

Ах да. Кира.

С Кирой я попрощался, потому что она мне даже не написала после того, как уехала. И на следующий день - тоже.

Тихо и без комментариев поставил ее везде в блок. Нет, не потому что я ее осуждаю. Я переварил ситуацию, и решил, что так для нее самой будет проще. Кира ещё девчонка, нельзя навешивать на нее такие тяжёлые решения. Поэтому, это мое решение, освобождающее ее от ответственности и чувства вины. Насколько это возможно вообще в данной ситуации.

И сейчас мне полегчало, да!

Значит, сделал все правильно.

Проезжаю мимо электриков. Провожают взглядами. Заглядываю в низкие темные окна домика Тани.

- А хозяйка к вам не выходила?

- А тут хозяйка есть? - смотрят озадаченно. - Мы думали заброшено.

- Есть...

- Тут подъезжали какие-то вежливые братки в костюмах, интересовались, живёт ли кто, - пожимает старший плечами. - Ввели людей в заблуждение... Сказали, заброшен дом.

- Хм.

Что ещё за вежливые братки? Таню искали или домом интересовались?

И куда она делась?

В поле пахнет цветами и влажностью. Двигаюсь я медленно, как ребенок зависая в ощущениях открытого пространства. Веду по разнотравью рукой. Срываю медуницу. Сладкая... вкусная...

И на автомате начинаю собирать букет. Опомнившись, держу в руках веник полевых.

И куда его? Выкидывать теперь жалко.

Вспоминаю, как последний раз букет женщине дарил, чтобы из рук в руки. Кире. Давно... Больше заказывал с доставкой, когда она скучала. Только такой не каждой подаришь. Не пой-

мет! Подумает, сэкономить решил на букете. А очень хочется подарить что-то женщине. Вот этого ощущения...

- Добрый день! - пружинящей бодрой походкой появляется из леса Татьяна.

- Привет... - растягиваются мои губы в улыбке.

Она в шароварах и клетчатой кепочке. На шею вылезла из под кепочки вьющаяся прядь. На плече маленький рюкзак.

- А вот в лес здесь одной не стоит, Таня.

- Хочешь малины? - не дожидаясь ответа, делает из моей руки горсть и пересыпает ароматные ягоды. - Меняю на букет!

Отжимает у меня букетик, зарываясь туда носом, и громко глубоко вдыхая, закрывает глаза.

- Ой... Или ты для барышни своей?

- Нет, это я на бартер собирал, - стебу ее. - Дай, думаю, соберу, на малину обменяю.

- Ну, видишь, как все идеально срослось! - довольно жмурится она.

Закидываю горсть ягод в рот. Кисло-сладко...

- Ммм! Лепота.

Возвращаемся вместе.

- Куда ходила?

- Мм... Погулять.

- Тебя люди искали.

- Какие люди? - не прекращая беззаботно улыбаться.

Но взгляд холодеет.

- Что ты им сказал? - не дожидаясь ответа на предыдущий вопрос.

- А что нужно говорить?

- А что спросили?

Увиливает. Ладно!

- Электриков видишь? - киваю. - Они с ними говорили. Им показалось, дом заброшенный. Они так и ответили.

Саунд: Ночныйеснайперы- Кошка

- "Кошка хочет курить... У кошки намокли ушки..." - мурлыкает она.

- Мадам... - протягиваю открытую пачку.

- Ооо... Мадлоба! - стаскивает две.

Чего?.. Пытаюсь отыскать ассоциации на незнакомое слово. Или - знакомое?.. Потому что какие-то смутные ассоциации плавают.

Возле ее дома притормаживаем.

- Забегай на партию.

Улыбнувшись, сбегает без ответа.

И до вечера маюсь - придет или нет? Тоска. А она отвлекает от дурных мыслей.

Развлекаю сам себя, опять поднимая с доски кости.

- Будет у меня сегодня гостя? - разжимаю руку.

Кубики долго крутятся.

Шесть-шесть!

- Мистика.

Сто процентов появится!

И я завариваю чай для нее, разжигаю камин, подстраиваю гитару, кайфуя от эмоционального подъема.

Тетушка что-то готовит на ужин.

- Димочка, может, тебе чего-нибудь особенного хочется?

- Хочется... А можно "хвороста" к чаю. По маминому рецепту?

- Ой, конечно... - радостно. - Это я быстро!

Не знаю куда себя деть от ожидания. Надо же... Ещё три дня назад видеть никого не хотел. А тут...

Веду рукой по лицу.

Точно! Побриться надо.

- Я в душ!

Ой, Танго... - скептически смотрю на себя в зеркало. Ну вот зачем это всё. Ну даже если вдруг... Ты с ней что ночью будешь делать? Стихи читать, песни петь?

Ну что - я уж и пообщаться с женщиной теперь не могу? - злюсь на себя, плаывая из одного состояния в другое.

Я один, она одна. Никто никого не соблазняет и ни на что не рассчитывает.

Могу короче! - решаю я для себя этот вопрос.

С трудом и психами натягиваю на влажную кожу одежду - шорты и спортивную футболку без рукавов.

Упираясь пятками в пол, пытаюсь почувствовать силу в ногах. И немного привстать.

Господи... Как это все ущебно.

Завтра же, клянусь, начну тренировки! Надо хотя бы попытаться.

Подтягиваю к себе кресло. Пересаживаюсь.

Выезжаю из ванной. Хорошо что в свое время сделал ее максимально большой.

На столе стоит ваза с хворостом, электросамовар.

- Дим, к тебе, что ль? - глядя из окна, вытирает руки об фартук тетушка.

- Да. Это моя гостья. Соседка наша новая. Татьяна.

- Я побегу, у меня дел дома... - скидывая поспешно фартук, сбегает тетя Валя.

Смеюсь, качая головой. Все женить меня хочет. Внуки, все дела. Для нее каждая симпатичная женщина - потенциальная невеста. Киру она в глаза не видела, но не одобряет. Потому что... Да в целом, по той же самой причине, что и друзья.

- Проходи...

Забираю гитару с ее места за игровым столиком.

- Вау! - принимаются она. - Я знаю этот запах!

Стягивает ещё горячий хворост.

И божественно мурлыкая и закатывая глаза, хрустит, подставляя руку, чтобы не крошить.

- Вы, Дмитрий, допрыгаетесь, я за вас замуж выйду! - шутит она. - Разве можно женщину так соблазнять? То в нарды проиграешь, то букет, то хворост! Я же не железная. С огнем играешь! Да-да... - жуёт, облизываясь.

Ухмыляясь, играю перебором ее "Кошку", которую она напевала сегодня.

- "Хотя бы немного молока, и можно быть сильной, а можно быть слабо-о-ой!" - подхватывает.

Татико любила мамин хворост с молоком.

Рука моя замирает.

Сглатываю ком в горле. Не может быть этого! - открыв рот, снова разглядываю ее.

Ну нет... Не может! Или?..

- Я запачкалась? - дёргает настороженно бровью.

Хворост весь в сахарной пудре, и она действительно устрепалась. Но дело то не в этом.

В лицо мне бьёт горячей волной и сердце ускоряется.

- Тати?..

Глава 7 - Друг

- Да, ладно... - падает у нее челюсть. - Нее... Не может быть!
- Может-может, - моргаю ей положительно.
- Митяй?!
Боже ты мой!
Истерично ржу, пытаюсь отыскать в ее чертах хоть намек на Тати. Ну другой же человек.
- Я, да, - киваю ей.
- Ты где это тело взял?! - поднимает она брови, - в качалке спер?
- Там же, где и ты свое!
- Боже-Боже!! - рдея обмахивает руками лицо. - Предупреждать же надо! Я чуть не влюбилась!
- Ну иди, обнимемся, что ли? - распахиваю руки.
Она подходит, пытаюсь обнять, но чертово кресло...
Не церемонясь, садится ко мне на колени и стискивает.
- Господи... Я уж думала никогда не встретимся!
Обнявшись и замерев, молчим.
Обнимая мое лицо ладонями, разворачивает к себе. И дотошно рассматривает.
- Лицо тоже украл? Хотя нет, смотри-ка ты... Родинка осталась! - ведёт пальцем над губой, вынуждая меня улыбаться. - Почему ты темный??
- Не знаю... Потемнели... Годам к четырнадцати может.
- А я тебя искала по сетям! Литвиных этих... море. Искала блондина тощего. А ты... трындец!
- А у меня аватарка - на лице балаклава.
А ещё камуфляжные штаны.
И прокачанный торс.
Повыбываться - наше всё, да, Танго?
Надо сменить, вообще-то не пацан уже.
И если искала дрища блондина, то я последний, на кого бы подумала, да.
- А я тоже искал. Фамилию даже выведал - Арданиани Татико.
- Так это бабушкина, не моя.
- Ну, в общем, безуспешно, - пожимаю плечами.
- Черт! Митяй! - снова обнимается. - Мне словно опять десять...
- И мы пиздячек получили за кота?
- Ахахаха! - закатывается.
И вот по хохоту сразу всекаюсь, что Тати!
- Круто было, да! И кроме бабушкиного прута, никаких тебе неприятностей, - мечтательно вздыхает она.
- Прут, сука, был чувствительный!
И теперь я разворачиваю ее лицо за щеки к себе, с упоением вглядываясь в каждую черту. Веду подушечкой большого пальца по едва заметным веснушкам.
- И как я сразу не врубился, что ты. После проводов обязан был! И обезьянка эта ещё твоя... вот я тупой!
Ты куда свой нос дела? Это чужой!
- Сломала! Собрали обратно так, как собрали! - закатывает глаза. - Лицевой хирург счёл тогда, что девочке ни к чему горбинка.
- А щербинка между зубами?
- Ооо! Мой огород во рту спасали брекетами и пластиной. Несколько лет мучилась.

- Ладно! Сиськи у кого отжала?
И мы снова ржем в голос.
Встает с моих колен.
С сожалением отпускаю.
Хозяйничая, достает бокалы и вино.
- Рассказывай давай! - требует у меня, жуя в процессе хворост.
- Да... нечего, - пожимаю плечами. - Не женат, детей нет, не привлекался. Вот, - хлопаю по подлокотникам, - всадник теперь.
- Апокалипсиса? - хихикает она.
- Могу и апокалипсиса, если надо.
Моя татуха - "Рождённые любить, обученные убивать", считай, подтверждающий документ.
- Что с ногами-то?
- Несчастный случай на охоте.
- Это ты феям рыдающим втирай! Я жажду кровавых подробностей, - отдает мне бокал, чокается об мой. - За встречу, родной.
И я зависаю с улыбкой.
Потому что - родные, да!
И башка моя неразумная кружится, и сердце стучит как ненормальное и вообще...
Тати! Душа моего детства!
- Ну так что там?
- А?
- "Несчастный случай на охоте".
- Ой, да даже понтануться нечем! Охотились мы на волков. Нам разрешение на отстрел выдали. Там, в области, стая больше сорока голов. Голодные, наглые... Третий день в тайге, короче, паёк сожрали уже. Волков не догнали. Решили козла приговорить у горной речки. Он по скалам меня повыше заманил, говнюк и бортанул из засады...
Ахает возмущённо.
- Козёл! Бозис швило!! - экспрессивно ругается Татико, растопыривая пальцы.
И наверняка грязно.
Как ее только не лупили за обзывательства!
- Короче, порвал бедро об выступы, пока летел.
Задираю шорты показывая некрасиво сросшиеся раны на мышце.
- Два перелома, связки... Все в мясо! Чудом спиной и башкой на мох упал. Нахуевертили мне что-то с препаратами обезболивающими, отказали ноги, - развожу руками. - Вот... Массажиста ищу. Да только тут какие массажисты... Врачи то все путевые в город сбежали.
- Меня возьми.
- А ты умеешь? - дёргаю удивлённо бровями.
- А я научусь! - уверенно. - Я ж талантливая. Кста-а-ати, тебе нужна иглотерапия! - шелкает увлеченно пальцами. - Всегда хотела научиться!
- Ахах! Начинается! Татико - ты неизлечимая авантюристка!
- Короче, ты попал, понял меня! Ты у меня через месяц Танго станцуешь.
Смеюсь, качая головой.
Танго...
Как вернуть ее на колени? Хочется тискать, как антистресс.
- А ты, значит, решила дом бабушкин выкупить?
- Можно и так сказать, - уклончиво.
Ловлю ее кисть, разглядывая, на автомате замечая, что нет обручалки.
- Почему замуж не вышла?

- Свободу люблю, - прищуривается.

Сжимаю кисть, зависая в своих ощущениях. Она хрупкая, тонкая, трепетная, как у девчонки.

- Дим...

Вздрагиваю, поворачиваясь к двери.

Кира!

Мать твою так.

Большая сумка из ее руки со стуком падает на пол.

Сказать, что удивлен - ничего не сказать!

Тати, вытягивает незаметно свою руку из моей.

Мы замираем как два нашкодивших ребенка.

Хотя, казалось бы... А чего такого?!

- Аа... Кто это - Дим? - смотрит на Татико Кира.

Ноздри обиженно подрагивают.

- Это Татико... Таня, - исправляюсь я. - Моя... мой... друг.

Пытаюсь, я как-то более правдоподобно описать нашу связь.

- Это Кира...

Зависаю.

В каких мы статусах?

- ...Девушка Дмитрия, - поправляет Кира прядь, распрямляя плечи.

- Очень приятно. Я потом забегу, - на мгновение сжимает мое плечо Тати, смываясь.

А мы остаёмся, настороженно глядя в глаза друг другу.

Ладно. Допустим. Окей.

- Она правда друг?

- Правда...

- Хорошо. Ты мне не рад?

- Рад... - пожимаю плечами.

Наверное.

Обняв себя за плечи, Кира трагично смотрит на мои колени.

И мерзкое ощущение неполноценности возвращается...

Глава 8 - Кошка и котенок

Пройдя несколько километров через лес, смотрю на небольшой особняк, где мы раньше проводили лето с Эльдаром.

Это не парадный вход, здесь толстая высокая решетка, отгораживающая сад от леса.

Терпеливо жду, не спеша подходить.

Через несколько минут в обозначенном месте мелькает голубое пятнышко.

Бегом лечу к решетке, падая на колени, возле моей маленькой Тико!

У нее под мышкой старый изношенный стирками заяц с длинными ногами и дырявом платье, которого я покупала еще года три назад. На коленке ссадина. У платья оторван карман.

Хотя одета она как маленькая принцесса в синих кружевах и бантах. И лаковых туфельках.

Бант правда сбилась и ленточка распустилась.

- Детка... - глажу ее пальчики, которыми она держится за решетку.

Концлагерь, блять!

- Мама...

- Ч-ч-ч...

Прижимая к решетке мордашку, выпячивает губки для поцелуя. Несколько раз с чувством чмокаю ее в губы.

Даю ей парочку ее любимых конфет. Довольная жует. Возвращает мне фантики.

- Я тебя очень люблю, - шепчу ей.

- Ты пьидёшь ещё? - шепчет она.

- Конечно... Обязательно... Никому не говори, что приходит мама, ладно?

Кивает.

- Расскажи мне что-нибудь, моя маленькая.

- У меня няня тепей...

- Хорошая?

Пожимает плечами.

- Говорит, я... - задумчиво вспоминает слово. - Неяха.

- Неправда.

- И сквевная! Непосвушная.

- Плохая няня! - хмурюсь я. - Скажи папе, что она тебе не нравится, ладно?

Эльдар любит Тико. Этого не отнять.

Кивает. Чешет макушку, окончательно распуская голубой бант.

- Ты у меня самое чудесное солнышко.

- Почему папа тебя вугает? - ковыряет носочком лакированной туфли в грязи.

Вздыхаю.

- Это все очень сложно объяснить, малыш. Но ты должна знать, что я тебя очень люблю.

И если я вдруг не смогу приходить, то только потому, что меня кто-то не пускает к тебе. Но в сердце я всегда с тобой.

- Пьиходи... - просит Тико.

- Тебя никто не обижает, моя маленькая?

Отрицательно крутит головой. Потом задумчиво замирает, накручивая кудряшку.

- Конфетов не дают... - грустно.

- Безобразие! - осуждающе цокаю я, улыбаясь. - Я ещё принесу.

- Тико! - слышу строгий окрик Эльдара. - Где ты, Тико??

Мы испуганно вздрагиваем.

- Что ты там делаешь? - голос становится ближе.

- Скажи что здесь была кошка... Кошечка... - нервно шепчу я. - Она была рыжая и убежала в лес.

Тико снова выставляет губки в ячейку решетки.

Чмокаю.

Шелест шагов. Метнувшись, прячусь за густой куст у забора. Зажмуриваясь и съеживаясь. И закрываю ладонью рот, не дышу, боясь шелохнуться.

Тихо.

- Тико... Что ты делаешь тут?

- Я смотрела кофечку.

- Какую кошечку?

- Выжую... Она убежала в лес, - невинно врёт дочка. - С ней был маленький котёночек, папа. Девочка...

О, нет-нет, малыш! Не фантазируй! Остановись на кошечке! - умоляю про себя.

- Да-а-а? - заинтересованно. - А откуда ты узнала, что этот котёночек был девочкой.

- Потому что он любил свою мамочку. Кофечка не хотела его обвостить... - голоса удаляются.

- Может быть, у этого котёночка был синий бантик?

- Котёночки не носят бантик...

Конспиратор из Тико так себе. Она фантазёрка.

- И что кошечка сказала котенку?

Нет-нет-нет!!

- Она сказала - мяу, папочка! Она уже кофка...

- Что это означает?

- На кофкином это означает... ты мое чудесное совнышко.

- Мм...

Срываюсь в лес. Прячусь за толстый ствол, выглядывая и наблюдая издали. Здесь возвышенность и все прекрасно видно.

Эльдар говорит с охраной, поднимая Тико на руки.

Мне не стоит сюда приходить. Эльдар не дурак. Но я не могу удержаться.

Эльдар выходит за ворота и идёт туда, где кусты и наша сетка, через которую мы встречаемся с Тико.

Разворачивается. Смотрит на лес. А мне кажется на меня.

- Татико! Если ты здесь... Ты можешь прийти сюда открыто!

- Рассказывай сказки... - цежу я.

Если я найду, то уже не выйду. И наверняка мне придется. Но еще немножечко свободы!.. Совсем чуть чуть...

Это его люди приезжали тогда? Или - фейсы?

Я распята между ними. Но ничего! Я обязательно что-нибудь придумаю.

Иду домой. Ищу в себе энтузиазм и энергию. Потому что депрессовать надо тогда, когда ты заперт в четырех стенах и ничего не можешь. А я свободна и могу!

Что будешь делать, обезьянка? Выкрадешь дочь?...

Пока что рано думать об этом. Как это не грустно.

Поэтому я думаю о моем Митяе.

И сердце моё стучит, радуясь старому другу.

Ах какой! Красавец стал. Мужчина! Мне гордо за него.

И может, самую крошечную капельку жаль... В груди щемит. Я даже не могу понять почему. Быть может потому, что понравился мне... Чуть больше, чем друг. Но это ерунда. "Митяй" - это гораздо круче и важнее, чем симпатия к мужчине, верно? Тем более к чужому.

Вот эта чертова любовь - она ничего не стоит. Эльдар тому пример. Я зареклась, наверное.

А Митяй - он как старинная родня. С ним рядом я "дома".

Девочка его очень хорошенькая, да?...

Морщусь. Фу, какая гадость, твое лицемерие, Тати. Фу-фу-фу! Тебе не идёт!

Девочка его тебе не понравилась! Размазня невнятная! И все внимания его ты хочешь только себе. И ревнуешь, как Отелло, ко всяким невнятным девочкам.

А вот, да!

Митяй всегда был моей собственностью. И первым моим мужчиной. Не в смысле какой-то там страсти, нет! Но как мерило преданности и рыцарства, полного великодушного принятия моей девчачьей капризности и самодурства. Обожать!

Я всех дальше мерила по нему и подруг и друзей. Поэтому у меня их и не было.

И сейчас возвращаясь домой, я ною от раздражения, что не могу как девчонка бежать к нему. Ничего не поделать. Взрослая жизнь вносит свои коррективы.

Ах, как бы мне хотелось познакомить Тико и Митяя. Но... Этому не бывать. Это - какая-то совсем другая версия реальности.

Врастаю в землю, не доходя до дома.

На дороге, у моих ворот, оперевшись на капот тачки и сложив на груди руки - мой следак. Зольникова. Зараза...

Глава 9 - Оплакивать

Мы с Кирой все больше молчим. Обоим неловко.

Спали отдельно. Я у себя, она на диване в гостиной. Не пришла ко мне...

Я рад, на самом деле.

Было бы в разы тяжелее, если бы пришла.

С утра свалил сразу в сад.

Кира ещё спит. Она полуночница, а я жаворонок. Среди военных сов не бывает. Перевоспитывают очень быстро!

Обещал себе начать заниматься, Литвин? Вот, давай... Нехер волю расхлаживать. Она тебе сейчас, может, ещё больше будет нужна, чем раньше.

Канат...

Кольца...

Невысокий рукоход. Друзья переварили высоту так, чтобы держась руками, ногами я стоял на земле.

И вот я стою, пытаюсь делать шаг за шагом. Не чувствуя нихрена и волоча ступни по земле. Опереться на них и встать не вариант, колени ватные. Но я, мокрый от напряжения, упорно "иду", волоча ноги.

В доме такая атмосфера, что находиться там тяжело.

И я тяну, не желая возвращаться. Хоть бы Тати, что ли в сад вышла. Но дом ее словно опять вымер. Ни шороха, ни дымка...

После душа, выезжаю к Кире. Надо начинать говорить. Девушка ко мне приехала всё-таки.

Умотан так, что мышцы на руках судорожно подергиваются.

- Тетя твоя приходила.

- Мм. Познакомились?

- Ну так... - пожимает плечами. - Давай завтрак закажем?

- Кир... Здесь провинция. Здесь заказать можно машину дров. А завтрак надо готовить самому. И молоко здесь тоже только из под коровы, ни миндаль, ни кокос тут не доят, детка. Вместо супермаркета - рынок. Вместо спортзала - огород.

- Понятно... - прикусывает губу.

Завариваю чай сам на низкой тумбе.

И мы молчаливо, вежливо завтракаем. На самом деле, уже обедаем.

Сидим друг напротив друга. За столиком для нард. Их я закрыл и подвинул к стене.

- Ты меня заблокировал везде... - обиженно.

Откладываю в сторону вилку, откатываясь от столика. Прикуриваю, стоя в дверях на террасу.

- Кир, сколько раз ты ко мне прикоснулась за все это время?

А знаешь, почему так?

- Господи... Да я не знаю как прикоснуться! - бросает нервно вилку. - Ты словно другой человек!

- Это, - хлопаю по поручням. - Реально меняет.

- Ну я же не виновата в этом!

- Не виновата, нет... - вздыхаю я.

- Это ты виноват! Что рисковал! Подвергал себя опасности. И вот она выстрелила! Ты думаешь, мне легко принять это?

- Да? А раньше тебя это заводило. Когда я рисковал и подвергал себя опасности. Нет? На что ты выдавала свои бурные реакции, вспомни? Какие мои фотки репостила? М?! "Мой Богатырь без страховки покоряет скалу!" - зло и скептически фыркаю я.

- Мне казалось... ты всё контролируешь! Ты говорил - все под контролем! Ты говорил - это твоя профессия! Ты говорил - ты спец! - начинает снова рыдать она.

Мне немного срывает башню.

- Это мои риски, да! Они выстрелили! Но лицемерить не надо!

- Я же приехала! - гневно хлопает по столу руками, зацепляя, свисающие нарды.

Доска летит на пол, они рассыпаются. Кости скачут и летят мне под кресло.

- За что ты на меня наезжаешь?! За что обижаешься?? Меня мама отговаривал, отец ехать запретил! А я приехала!

- И вместе того, чтобы выразить радость, что я выжил вообще, оплакиваешь! Класс. Я, блять, живой, Кир. Мне хуево. Можно не подкидывать дров?!

- То есть, я виновата??

- Всё! Закрыли тему! - рявкаю. - Я не наезжаю, всё, не плачь. Извини.

- Я просто хочу тебе хоть чем-нибудь помочь, Дим.

- Хорошо. Хорошо... Собери, пожалуйста, нарды. Я сам не смогу.

Выезжаю на террасу.

Зависнув, не вижу ничего.

Через несколько минут Кира подходит, кладет руки на плечи. Сжимает.

И я чувствую, как и она, нас чужими людьми, блять. А чужой женщине, мне вообще не хочется откровенничать про проблемы с потенцией.

Но она ведь действительно не виновата. Какой смысл на нее злиться.

Кладу руку, поверх ее лежащей на моем плече.

- Я не обижаюсь. Хочешь ягоды?

Отрицательно мычит.

- Мне нужен пароль от интернета. Мне нужно поработать немного.

- "Танго"... Пароль - "Танго".

Всхлипывает опять.

- Ну что такое?

- Я мечтала, что на свадьбе мы будем танцевать танго! Я учиться пошла-а-а... на "танго"!

Рыдает снова.

- Хотела сделать тебе свадебный сюрпри-и-из!

Вздыхаю.

- Кирюш, ты, ложись, поспи, ладно? Что-то мы перенервничали немного.

Расходимся.

К вечеру опять моросит дождь.

У нас тихо и напряжённо.

Отмечаю для себя, что если убрать сексуальную реальность, то женщина рядом никуда не радуется. И вообще лишний, напрягающий элемент. Особенно такая вот молодая, совсем не твоего образа жизни.

Нам вдруг оказывается и поговорить то не о чем.

Ну, может, Тати моя - исключение... С ней всегда есть о чем, она даже бездельничает увлекательно.

Обещала зайти. Темно уже. Ее нет. У меня какой-то необъяснимый зуд... Когда хочется увидеть человека хотя бы мельком. Встретиться взглядами. Я изнываю.

Ты же обещала, Тати!

У нее не горит свет.

- Камин разжечь? - предлагаю

- Мхм...

Тоскуя, кидаю кости. Раз за разом.

- Дим, перестань, пожалуйста... Голова болит.

- Прогуляюсь.

- Там дождь.

- Не сахарный.

Забираю гитару в чехле.

Накинув дутую безрукавку с капюшоном, спускаюсь в сад. По дорожкам еду к ней.

В моем саду на широких тропинках брусчатка. А у нее все поросло газонной короткой травой.

Останавливаюсь у крыльца. Мне не подняться здесь. Объезжаю дом. Замечаю огонек под навесом.

В низеньком старом мангале горит маленький костер.

Подъезжаю ближе.

Тати, сидит у стены на старом пружинном матрасе. В руках наполовину выпитая бутылка.

- Привет...

- Привет.

Широко улыбается. Болезненно.

Блики от костра пляшут по лицу.

Вытирает чуть нелепым, детским движением, запястьем щеку, и шмыгает носом. А на второй щеки блестят дорожки от слез.

Оставляю гитару.

- Оо... Тати! Это что за дела ещё, подружка? - стараюсь помягче вытебать ее.

Пьяно смеётся. Но не весело.

- Давай-ка... - забираю у нее бутылку.

Делаю глоток. Не вино...

Тяну ей руку.

- Поднимайся.

Тяну к себе на колени. И глажу, успокаивая.

- Ну что такое, родная?

Она обнимает меня за шею и греет ледяной нос у меня на виске.

- Ты чего придумала рыдать, м?

Её опухшие губы очень близко в темноте. И я чувствую, как просыпаются рефлексy.

Облизываю свои.

- Кто мне "иглы" обещал и забыл? - хриплым и неровным голосом напоминаю ей.

- Не забыла... - улыбается. - Завтра приду.

- Обещаешь?

- Зуб даю!

- Расскажешь свое горе горькое?

Отрицательно качает головой, улыбаясь.

- Петь будем?

- Ты... - выдыхает она.

Встаёт с моих коленей, вкладывает мне в руки гитару.

Очень хочется ей петь. Что-то пронзительное!

Она раздувает огонь, подкидывая дрова.

- "Я раскрашивал небо как мог!...", - хрипло пою ей. - Оно было белым, как белый день. Я лил столько краски на небеса... И не мог понять откуда там тень..."

Саунд: Ночные снайперы - "Я раскрашивал небо как мог"

Глава 10 - Экспириенсы Татико

Задумавшись, смотрю на рукоход. Мне показалось сегодня, что дело идёт чуть легче. А может, это компенсаторные мышцы таза и пресса стали лучше вывозить, кто знает!

Вздрагиваю от вопля Киры.

- Кир?!

- Боже!.. - хныкает она.

- Что случилось?

- Меня пчела ужалила! Тут жало, кажется... - прижимает руку к себе. - Ненавижу их всех... Б-р-р... Пауки, муравьи, осы...

- Иди сюда.

Выдвигаю ящик стола, достаю пинцет. Вытаскиваю жало.

Жалобно всхлипывает.

И мне кажется, что плачет она не от боли, а от этого всего вот... стресса.

Глажу по ладони.

- Скоро пройдет.

- Мне нужно какое-нибудь лекарство. Чем от пчелиных укусов лечат?

- Ничем не лечат! - за спиной.

Оборачиваемся. В дверях - Татико.

- Тук-тук...

С литровой банкой в руке. Банка закрыта марлей.

- Пчелиный яд - это и есть лекарство.

- Но болит же... - поднимает на нее жалобный взгляд Кира.

- Пожуй листик подорожника и приложи! - пожимает плечами Тати. - Да, Митяй?

- Чего пожевать? - взлетают от удивления брови Киры.

- Просто полотенце намочи и приложи, - улыбаюсь я.

Настроение мгновенно взлетает. Потому что пришла Тати. Потому что она больше не рыдает, обнимаясь с бутылкой. Ну и вообще...

- Что там у тебя в банке? Давай, хвастайся.

Держит её как трофей!

- Ооо... Это твои черноглазые подружки! - играет бровями.

- Ну ка...

- Нет, я сначала объясню. Короче, иногда введённые препараты не рассасываются полностью, а образуют что типа кист. И остаются в одном месте.

- Ты врач?

- Боже упаси! Это гугл всемогущий. Так вот, дальше я уже особо вникать не стала, так как вспомнила, что когда я болела пневмонией, мне ставили дохрена инъекций и лекарство перестало рассасываться. Моя бабушка, быстро решила проблему...

Сдергивает с банки марлю, как раз в тот момент, как возвращается Кира с полотенцем.

- Что это? - присматриваюсь я.

- Пиявки.

Взвизгнув, Кира дёргается в сторону. Жалобно причитает..

Пиявки явно голодные. Быстро сокращаются, дергаясь в воде.

- Фу... - морщусь я. - Нет, я пас!

- Пф! Я тебя не спрашивала, вообще-то. Штаны снял, лег на диван.

- Да ну... - скептически качаю головой. - Если бы проблема решалась так, врачи бы её давно решили.

- Моя бабушка не верила во врачей! Но это никогда не мешало ей лечить меня. Быстро давай.

- Да нет... - смотрю на черных кровопийц с отвращением.

- Нет, ну если тебе настолько прикольно быть "всадником", что ты не готов даже попробовать...

- Ой, ладно! - закатываю глаза.

Расстегиваю ремень.

- Дим, ты с ума сошел! А если это навредит?! - с омерзением встряхивает руками Кира.

- Ему вредит бездействие! - парирует Тати.

- Почему ты позволяешь решать постороннему человеку, Дим? Она не врач!

- Кира... - прищуривается Тати, благодушно улыбаясь. - А Вы беляши делать умеете?

- Нет... - растерянно.

- А Димка очень любит беляши! Обожает! Особенно с красной рыбой. Давайте, я вас научу делать ему хорошо?

- Я без Вас знаю, как делать ему хорошо! - неожиданно взрывается Кира.

- Ну а почему же ему тогда плохо? - упирает руки в бока Тати. - У него желудок урчит.

Он голодный.

Вообще-то - да. Но...

- Стоп! - развожу ладони. - Пиявки, так пиявки. Это моё решение. Кир, я правда буду очень благодарен за ужин. Любой.

Тетушка, абсолютно уверенная в том, что женщина - это вкусная еда, в первую очередь, тактично не кажет к нам пока носа. А Кира у меня с плитой не дружит.

- Я не умею включать твою плиту! Она какая-то древняя! - обиженно.

Там нет автоматического розжига, да. Я поджигаю зажигалкой.

- Пойдем, я включу, - вызывается Татико. - Покажу тебе там всё. Митяй, раздевайся.

Слышу как хлопает холодильник, их голоса...

- Подружки... - рассматриваю истеричных пиявок.

Они иссиня черные и сегментированные.

Меня передёргивает.

Но подписался же...

Снимаю штаны, пересаживаюсь на диван. Ложусь лицом вниз.

Тати возвращается.

Оттягивая резинку трусов вниз, Тати протирает крестец.

- Ты хоть знаешь куда ставить?

- Да. Я погуглила. Они, кстати, ещё и отказаться могут тебя сосать, если ты невкусный.

Придется уговаривать...

- Как?

- Ну, не знаю! Как-то же женщин уговаривают сосать...

Ржу в подушку.

- Тати... Пошлячка!

На поясницу ложится мерзкое и холодное.

- Ааа! Ррр... - рычу. - Если это не поможет! Ну пиздец тебе тогда.

- Тихо! Барышня тут сомневается... Соси, сказала! - грозно приказывает ей Татико.

У меня начинается тихая истерика от смеха.

- Ну скажи ей что-нибудь ласковое, чего я одна уговариваю?

- Бля! Она там ползает!

- Это прелюдия!

Через несколько минут я обвешан противными тварями и устало судорожно выдыхаю от смеха.

- Ну, всё, валяйся. Час надо потерпеть.

- Ааа! Меня сейчас стошнит! - распахнув глаза смотрит на мою спину Кира, встряхивая кистями.

- О, кстати! Ты знаешь, чтобы поставить пиявку второй раз, надо заставить ее выbleвать кровь. Иначе, ей хватит ее на полгода и она больше не присосется?! - невозмутимо и восторженно заявляет Тати.

- Класс... - падаю обратно лицом в подушку. - А что будет ещё один?

- Обязательно.

- А если дело не в том, что лекарство не рассосалось?

- Вот! Я купила у пасечника пчел. Мне кажется, пчелиный яд, может отлично помочь.

Их пинцетом прижимают к коже, в акупунктурные места...

Кира сползает по косяку вниз, с ужасом смотря мне в глаза.

- Дима, а поехали в город? Там есть нормальная человеческая больница...

- Я бы с радостью. Но на ком тогда Татико запускать свои экспириенсы? Это было бы эгоистично... - шучу я.

- Кир, у тебя кажется что-то горит! - принимаются Татико.

Кира сбегает.

- Чего ещё ты нагуглила?

- Муравьиный яд...

- Боги!

- И капсаицин.

- Что это?

- Сейчас... Нашла в бабушкиных рецептах - сливочное масло и жгучий перец. Надо натирать ступни. Это усиливает кровообращение. И обмен веществ в тканях. Что бы в тебя не вкачали, оно ускорит вывод этой дряни.

- Тати... Это все - кликушество.

- А вот посмотрим!

- Ну, хочешь, развлекайся.

- Хочу!

Растирает мне ступни. Прислушиваюсь к движениям. Едва ощущаю.

- Боги, как же горит! - скачет по комнате, тряся руками.

Сбегает в ванную.

Да? А у меня нихуя не горит... Только бросает в жар почему-то, а потом немеют губы и кончики пальцев. И вообще странно...

Зависнув, прислушиваюсь к ощущениям. Горячо. Мне горячо! Только не могу уловить четкую локацию откуда ощущение.

Одна из пиявок неожиданно отваливается, и скатившись по спине, падает прямо под бок.

Жирная, скользкая, нажавшаяся и огромная уже!... Извивается и тыкается мордой мне в бок.

- Фак! - рефлексивно дергаюсь я, по вставая на локтях и дёргая бедрами в сторону. - Тати!!

Понимаю, что стою на четырех опорах - локти и колени.

Колени! Они блять, сработали!

Но мгновенно падаю. Прямо на пиявку.

- Ааар... Таааатиини! Прибью тебя!

- Ха. Сначала догони...

Глава 11 - Просто

Кровососы сняты и стоят в банке на столе. Я весь в бинтах и лейкопластыре.

Затылок ныть перестал... В последнее время там всегда то горит, то болит...

- Я приготовила ужин, - холодно заявляет Кира, стоя в дверях.

Её губы обиженно подрагивают.

И я в неловкой ситуации.

С одной стороны, Тати сейчас заботилась обо мне со своими пиявками, и было бы вежливо и логично пригласить ее на ужин с нами.

С другой стороны, Кира ревнует и психует, чувствует себя оскорбленный, и это неправильно подливать масло в этот огонь.

И что, блять?! Зависаю, принимая решение.

Ловлю взгляд Тати.

- Не приглашай, не останусь, - подмигивает мне.

Я вижу, что словила обстановку, и просто пытается облегчить мне сейчас жизнь.

- Тати... Спасибо, родная. Подружки - супер.

Сжимает с улыбкой мое предплечье. Смывается как обычно молча, не прощаясь.

Мы ужинаем - салат, рис, яйцо. Лёгкий ужин. А я голоден как никогда. Слона бы съел.

- А хлеб?

- Хлеба нет. Он закончился. Как заказать здесь, я не знаю.

- Никак...

Гонять девчонку в магазин за хлебом мне как-то... Не могу привыкнуть к идее своей неполноценности. Да и до магазина километр по сумеркам пилить. Заблудится еще. Обойдусь.

Но, вздыхая, мечтаю о беляшах...

Кира нервничает, руки трясутся.

Переписываясь с Зольниковым Иваном, замечаю это.

- С кем ты переписываешься, Дим?

- С корешом. Хочет меня навестить. Узнал о... несчастном случае.

- Понятно.

Не верит.

- Вина хочешь?

- Ее вина?! - срывается голос.

- Ты имеешь в виду Тати? Да, ее вина. А что-то не так с ее вином? Это хорошее вино.

- Нет! Не хочу. Я хочу другого вина! Моего любимого.

- Другого нет, Кира. Есть вискарь, если хочешь.

- Я не пью крепкое. Ты забыл??

Напряжение и интонации накаляются.

- Чего завелась-то?

- Я не хочу, чтобы она больше приходила! Мне неприятно ее присутствие! Как ты смеешь, вообще?!..

Опускаю взгляд, сжимая челюсти.

Тати сейчас, единственное, что даёт мне вкус жизни. Я не готов отказаться от нее... Я хочу, чтобы она присутствовала в моей жизни.

- Ты спал с ней? - бросая вилку, закрывая лицо руками.

- Спал? - не сразу соображаю я.

- Я вижу, что спал! По вашему общению!

- Кира... Ты с ума сошла? Мы разъехались с Татико, когда нам было лет десять. Мы были детьми. Мы были как брат и сестра.

- Я не про ваше детство, Дим! - подскакивает она. - Я про "сейчас"!

- Эм... - теряюсь, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

Потому что тему с моим бессилием все же стоит поднять. Или - не стоит. Или?..

Что-то я не готов!

Фак!

- Во-первых, нет, я не спал с Татико. Никогда.

- Честно? - немного остывает она.

- Абсолютно.

- А во-вторых?

Отодвигаю от себя тарелку, мгновенно теряя аппетит.

- А во-вторых, Кира, этого бы не случилось, даже если бы я захотел. И не случится. Ни с ней. Ни с тобой. Ни с любой другой женщиной. У меня есть физиологические проблемы после операции... На данный момент, - уточняю я.

Уточняю больше для себя. В этой версии, крыша моя держится прочнее.

- А какие?... - растерянно заглядывает мне в глаза.

- Не хотел бы вдаваться в детали. Смысл же ты поняла?

Снова начинает горько рыдать, закрывая ладонями лицо.

- Почему это все происходит с нами?!..

Как вежливо попросить Киру съебаться нахуй! - взрывает меня внутренне.

Она не виновата. Ни в чем. Но мне сейчас - невыносима!

Со злостью швыряю в камин смятую салфетку.

Я правда не хочу ее обидеть, блять.

- Все ещё хочешь остаться?

- А ты? Ты хочешь, чтобы я осталась?

- Нет. Не хочу.

Выбегает в сад.

Там темно, убьется еще... Потупив, выезжаю следом.

Тихо еду по дорожке.

Слышу женские голоса.

Мелькают огоньки сигарет.

Торможу...

- Ну-ка, не реви, - успокаивает Киру Татико. - Что случилось?

- Я просто не понимаю, что я делаю не так?!

Закашливается от дыма.

- Я не хочу тут быть, я здесь ради него... Он этого не ценит. Игнорирует меня! Гонит меня. Если бы он вел себя так и был здоров, я бы не задумываясь уехала! Но если я уеду сейчас, это будет...

- Как будет?

- Подлю? Он же в тяжёлой ситуации! Что вот мне делать?! Я его такого не люблю!

Не любит. Мне бы расстроиться. А я выдыхаю! Вдруг все становится просто.

- Ну... зато честно. Покури... Подыши... Поспи.

- Иии?

- А что "и"? Я свои-то проблемы решить не могу. Что я могу путного посоветовать? Ты хочешь, чтобы я тебе моральное разрешение дала - уехать? Или убедила остаться? Нет, детка, так не работает в этой жизни. Единственное, что могу сказать, Литвин - мужчина. И с детства был!...

Не хорошо подслушивать. Но подслушивать как Тати с гордостью гладит меня по шерсти - охуеть как хорошо.

И меня отпускает... Уверенность в себе возвращается.

- ...Обиды на девочку не его история. Поговорите... как есть. Если не любишь, хочешь уехать - скажи.

Кире сложно сказать. Но чего я - с девчонкой разрулить не могу сам?

Да ерунда.

Тихо уезжаю. Жду Киру дома.

Вызываю ей междугороднее такси.

Через какое-то время она возвращается.

- Дим... - мнется.

- Кирюш... - перебиваю. - Ты прости меня. Я психую сейчас. Не надо со мной рядом находиться. Это меня ослабляет. Мы с тобой сейчас расстанемся. Совсем расстанемся. И если я восстановлюсь, и пойму, что хочу жениться, я тебя сам найду.

Заправляет прядь волос за ухо, шмыгая носом.

- А сейчас... Сейчас, - смотрю на время. - Такси через десять минут. Я тебя прошу, уезжай.

Ты - свободная девушка.

На этом и расстаёмся. С облегчением.

Навсегда...

Глава 12 - Все испортил

Повиснув на рукоходе, двигаюсь, с трудом волоча ноги. Останавливаюсь, чтобы отдохнуть. Нагружаю колени. Дело потихонечку сдвинулось с мертвой точки.

Может, черноглазые подружки дали эффект, может, капсацин, а может, просто дождался того самого "ждите пока вернётся чувствительность". А может, всё вместе, приправленное полыхающим в груди ожиданием - когда же она наконец-то появится?

Но я стараюсь слишком не обнадеживаться. Врачи предупреждали, что подвижки будут. Но насколько я смогу реабилитироваться полностью - никому не известно.

За кустами опять грохот.

- Тати! Отойди от колодца, бога ради! - улыбаюсь я.

Выглядывает.

- Привет!

В сарафане. Таком простеньком, хлопковом, нежном... Соски выразительно продавливают ткань.

Мило растрепана.

Красота!

- Куда пропала?

- В город ездила.

С любопытством подходит ко мне.

Дёргает впечатленно бровями, разглядывая мой напряжённый торс.

- Боже ты мой... Это что ещё за болезнь такая? - ведёт пальцем по прокачанной косой мышце на ребре.

Уворачиваюсь от щекотки.

- Не смейся! Навернись...

- "Коня" подать, княже?

- Я сам!

И обломавшись немного, прошу:

- Отвернись только. Это не слишком изящно.

Послушно отворачивается. Ставит на землю пакет.

- Митяй... А все спросить хочу, ты чем занимаешься-то?

- Да... Служил я.

- Ого. Где?

- Да так, ерунда... "Писарем отсиделся", - ляпаю стандартный наш с пацанами прикол.

Как-то не с руки подвигами понтоваться сидя в инвалидном кресле.

Застегиваю ремень.

- А потом?

- Инструктором.

- По вождению? - ест с куста ягоду.

Тихо смеюсь.

Наклоняется. Тонкая ткань обтягивает бедра.

- По ориентированию.

- Лыжному? Спортивному?

- Ну, практически. Я - всё.

Оборачивается.

- Держи, - пересыпает мне ягоды в ладонь.

- А что там у тебя?

- Пчёлы. Я читала эссе по диссертации "Регенерация нервов крыс под воздействием пчелиного яда" и ещё одну "Влияние пчелиного яда на некоторые функции ЦНС человека". Очень обнадеживающе!

- Господи... - морщусь я. - Но если обнадеживающе, давай.

И вот я снова мордой в подушку и готов к пыткам.

- Спиртное после не пить!

Срисовывает с телефона акупунктурные точки, перенося мне их на спину.

- А помнишь нас земляные осы покусали? - бормочу я.

Нам было лет по шесть.

- Ахах... да! Ты был как опухший поросёночек! Что-то они вялые, - встряхивает несколько раз баночку Татико.

Вжжж... - усиливается гул и становится более грозным.

- Э-э-э... Это уже спецназ там в полной боевой! Ми-8!

- Иди сюда, - пытается пинцетом поймать пчелу, под марлей.

Ставит банку куда-то в район моих лопаток.

- Готов?

- Ну так... Не очень.

- Раз-два-три...

Оглушающий ожог.

- О, блять! - дергаюсь.

Чувствую, как падает холодная банка на спину.

- "Это какие-то неправильные пчелы!"

Слишком больно.

Вжжж!

- Митяй...

- "Алярм"?

- Да!

Укус! Укус! Укус!!

Мое тело дёргает как под обстрелом. Тати взвизгивает.

- Чёрт!

- Пиздец!

От многочисленных укусов в спину - шок. Сам не понимаю как подлетаю, переворачиваясь. И, сев, отмахиваюсь от кружащих яростных пчел.

- Ау! - хватается за лицо Тати, отмахиваясь полотенцем.

- Я прибью, тебя! - сбиваю одну налету резким ударом пальцев. - Лупить тебя некому! Где там бабушкина хворостина?!

Через несколько минут часть полосатого десанта сваливает в открытую дверь, часть повержена.

Хныкая, Тати держится за губу.

- Ну иди сюда, - ловлю ее за край сарафана, дергая к себе.

Падает на диван рядом.

- Норматив по прицельному огню не сдан, короче.

Ее нижняя губа с боку отекает, на глазах слезы. Сама угорает.

- Балбеска...

Аккуратно достаю жало.

- Все у тебя как обычно...

Глажу с нежностью пальцем губа, забывая о том, что у самой спина горит ярким пламенем.

- Мне идут накачанные губы?

Выпячивает их словно для поцелуя.

Прыскаю смехом.

Не поймав порыв чувств, и совершенно неожиданно для себя, прижимаюсь губами к ее нижней, отекающей. И провожу по горящей губе языком. Малины вкус... но не только. Еще - горячего солнца, и самой вкусной женщины.

Горло перехватывает, не вдохнуть!

Я хочу этот рот. Р-р-р...

Мы оба застываем в тишине. Чувствую, как гулко грохочет сердце и губы подрагивают.

Боже, блять...

Не стоило этого делать, Танго! Она не давала повода!

Внутренности панически дёргаются. Мысль, что я испорчу сейчас нашу близость и общение, как кислота мгновенно разъедает изнутри до боли.

Как съехать теперь на лайт?

Мы чуть отстраняемся, растерянно глядя друг другу в глаза.

- Помнишь... - хриплю я. - Когда в детстве кусали нас... Мы всегда облизывали укусы...

И проходило...

Пауза затягивается.

Ну, нет-нет... Только не отмораживайся. Я всё понимаю, что я не в той ситуации, чтобы...

И я меньше всего хочу превратить тебя во вторую Киру! А себя, в очередной раз, в чemo-дан без ручки.

Заторможенно моргает.

Не дышу.

Нахрена я это сделал?!

Чтобы - что?

Ладно, давай, реагируй, Татико. Ты эксперт по отшучиванию в любой нелепой ситуации.

Сосредоточенно вытаскивает жало из опухшего укуса на моём плече. Облизывает губы.

Прижимается к укусу. Чувствую, как ведёт языком, немного снимая болезненные ощущения. Ее кисть сжимается у меня на бедре.

Это так чувственно и хорошо...

Закрываю глаза.

Как понимать?

Меня накрывает желанием ощутить ее губы на шее и впиться по-взрослому в этот влажный рот!

И прямо на этом диване...

Стоп.

Ни о чем не забыл, Литвин? Ничего ты с ней не сможешь сделать на этом диване.

Сглатываю ком в горле.

Уу... Сука! Обидно!

Кровь бросается в лицо, слепну. Гадкое чувство...

Она поднимает взгляд.

- Тати... Ты иди, ладно, - чувствую, как вздрагивает моё лицо.

Не хочу объясняться.

- Нужно обработать укусы.

- Не нужно! - рявкаю тихо, опять не сдержав эмоций. - Просто уйди.

Да что ж такое...

- Извини, - сжимаю переносицу пальцами. - Извини!

Проходится пятерней по моей шевелюре. Беззвучно исчезает.

Мне хуево от мысли, что она может больше не прийти вообще!

И хочется, что-нибудь написать ей. Остыть и качественно отшутиться. Но номера у меня нет. Да и шутки что-то не шутятся.

Всё испортил.

Глава 13 - "Я здесь"

- Да как же ты умудрился?! - обрабатывает мне спину тетушка.
За ночь все разбарабанило так, что даже немного полихорадило.
Это меня не беспокоит... Сегодня я уже бодрячком.

Беспокоит меня, что мы стрёмно расстались с Татико. Я - идиот. Как пацан выдал!

- Что ж ты вчера не позвонил?

- Вчера...

Вчера я немного поистерил. Мне хотелось побыть одному. И спина меня беспокоила в последнюю очередь.

- Да, ерунда. Тревожить не хотел.

- А эта... Кира твоя где? - недовольно.

- Не понравилась? - усмехаюсь я.

- Ну почему же... Красивая, молодая... - всё также недовольно. - Дело-то твоё. Тебе с ней жить.

- Поругать хочешь?

- Хочу! - сердито психует тетушка. - Поехала, посуду не помыла! Кому оставила - тебе?
Так ты до раковины не дотянешься. Или - мне? Так я ей не прислуга!

- Да не подумала она просто. Не ругайся...

- Надо жениться на тех, кто думает. А те кто ещё не думает, пусть вон... Учиться идут!

- А ты соседку нашу новую не видела?

- Видела... На автовокзале.

- Где? - напрягаюсь я.

- А что такое? Ой, приехал кто-то, выглядывает в окно. Твои, наверное? С детьми...

- Зольников! - выезжаю на террасу.

- Ну пойду я тогда, не буду мешать.

Зольников с женой и двумя щекастыми пацанами-близнецами лет трёх... В руках у него большие пакеты.

Диляра, его жена, стоя у машины говорит по телефону, по деловому уперев руку в бок.
Крутая она у него дама, служба безопасности, следак.

Мелкие сцепляются.

- Ярик! Ну-ка иди сюда. Ванька, сейчас уши откручу! Положи немедленно! - ругается на пацанов. - Танго! Встречай гостей, пока все не разнесли!

Мы здороваемся за руку. Крепко жмёт, глядя в глаза.

Хаос мгновенно наполняет комнату. Один малой заглядывает в остывший камин. Чихает.
Споткнувшись, падает руками в золу.

- Спички не трогать! - зыркает строго на него Зольников.

Второй успевает сделать "брям" по струнам гитары, она сползает, падает... Он ловит ее, но не удержав, заваливается вместе с ней. Грохот, гул.

- Ой...

- Да вы чо?! Смир-р-рно! - рывкает на них Зольников. - Равнение на меня.

Встают рядышком, изображая строй.

- Так. Это - дядя Дима. Со сбритой бровью - Ярик, с черной моськой - Ванька, - представляет нас.

- Здорово бойцы! - наигранно грозно рывкаю им.

- Здлавиязелаем... - картавят несинхронно.

- Здравия - было бы супер, - киваю я.

- Пап... А "вольно"? - косятся на него.

- Смирно постоите, пока мама не придет. Ну как ты, Танго? - осматривает меня, становясь серьезным.

- Да... - пожимаю плечами. - Пока не ясно.

- Ну, давай, чай ставь. Мы торт привезли, мясо на шашлык, витаминов... Бальзам тебе от бабушки нашей из пантов марала. Настоящий! Не магазинная херня. На себе проверено.

Ох уж эти бабушкины рецепты! Мертвого поднимут.

Разбирает пакеты. Накрывает на стол.

- Ну, пап!.. - канючат пацаны.

- Стоять.

- Да ладно тебе, чего строгий такой, отпусти бойцов.

- Да всю дорогу мозг выносили! - закатывает глаза.

- Пусть, вон, нарды мне соберут.

- Слышали, что дядя Дима попросил? Вперёд.

Диляра, отключая телефон, тоже тянет руку. Жму.

- Как самочувствие? Смотрю у тебя тут комплекс в саду...

Но смотрит она дальше, на дом Татико.

- Занимаешься? Не отлыниваешь?

- Приходится...

- Не отлынивай. Тебе, кроме тебя самого никто сейчас не поможет. Мы только морально поддержать можем.

- В баню хотите?

- Вань, мы в баню хотим?

- Да-а-а!

И начинается у нас шашлык, баня, веники, музыка, кипиш...

Очень хочется пригласить Тати. Неправильно сейчас не пригласить!

Мы с Иваном пьем чай. Мне после пчел нельзя горячительное, а он за рулем. Диляра цедит коньячок.

Красота!

Иван с Дилярой - классная пара. Их пальцы периодически касаются друг друга, словно пеленгуют.

И мне тоскливо и тоже хочется чувствовать женскую руку в своей. И вот так, не глядя, периодически ощущать прикосновение пальцев - "я здесь".

Хотя не просто женскую, нет. Совершенно конкретную руку мне хочется держать в своей. И женщиной своей представлять друзьям тоже совершенно определенного человека.

С грустью просматриваю в сторону Татико.

Но пока это не актуально. Мне бы... хотя бы другом ее представлять.

Пока Зольниковы купают детей, еду в сад, ближе к ней.

И на границе останавливаюсь.

Участок словно не жилой.

На автовокзале?..

Ты же не уехала бы, не попрощавшись, да?

- Танго, ты чего там завис? Помочь? - выходит обернуться в простыню Диляра.

- Нет...

Подходит со спины. Встаёт рядом, складывая руки на груди.

- Надеюсь, ты на закат любишься?

- Ну, почти...

- Может, тебе здесь забор поставить? Сломался совсем.

- Нет. Не нужен мне здесь забор.

- Соседи не беспокоят?

- Очень беспокоят меня соседи, - вздыхая, признаюсь я. - Здесь живёт один человек... Я бы хотел его пригласить.

- Очень плохо, капитан Литвин, очень плохо... - перебивает меня строго. - Что тебя этот "один человек" беспокоит.

- Почему это?

- Иван, говорил, у тебя девушка есть, - переводит тему.

- Мы расстались.

Молчит...

- Ты что-то хочешь мне сказать, Диляра?

- Я на гражданке о работе не разговариваю, - многозначительно.

О, как.

- Пойдем, Дим, пойдем... А любуйся лучше на рассвет, ок?

В полной растерянности пытаюсь осознать этот мутный месседж. Но расспрашивать - смысла нет. Все что она хотела сказать, сказала.

И мне становится ещё хуже. Потому что я почти уверен теперь, что Тати уехала.

Зольниковы уезжают ближе к ночи. И я сразу же срываюсь к Татико. Дом закрыт. Света нет.

Возвращаюсь, долго кручу в руках ручку, пытаюсь, сформулировать текст для записки.

И нихера в голове, вообще...

А ведь легко ваял любые романтические послания для Киры. По щелчку пальцев! А сейчас почеркал всю страницу - всё не то!

Потому что романтические - не наша история. Надо что-то родное, дружеское, "наше"...

Улыбаясь, вспоминаю, придуманный нами когда шифр.

Мы играли так в шпионов, оставляя друг другу записки и назначая место встречи, чтобы никто не мог расшифровать.

Воспроизвожу на листочке несколько букв. Помню не все.

Что я могу ей написать?

"Если ты исчезнешь, я буду тебя искать".

Оставляю в дверях. Еду к себе. Фишки для нарда выставлены на доске высокими пирамидками, одна на другую. Пацаны играли.

Ложусь спать.

Ночью вздрагиваю от того, как вся эта конструкция обрушивается. И фишки с грохотом скачут по полу.

Открыв на мгновение глаза, закрываю снова. Мне ценен сон, я хочу в него вернуться. Мне снится, что Тати со мной там. И мы где-то в миллиметрах от поцелуя. Но он не случается... мгновение растягивается на всю ночь. Это горячо и невыносимо!

Утром, встаю, не выспавшись.

Колю себе витамины, морщась, делаю глоток настойки. Поднимаю глаза на столик для нарда. Там бумажка...

С колотящимся сердцем, беру в руки, открываю. Там наш шифр. Зависаю, расшифровывая.

"Обещаешь?"

- Обещаю...

Глава 14 - Гости

Упахавшись вхлам, валяюсь под рукоходом, смотрю в темное звездное небо.

Может быть, потому что почувствовал, что есть прогресс, а может потому, что пытаюсь спровоцировать встречу с Тати, теперь я зависаю на турниках постоянно. Утром, в обед и вечером.

Скучаю очень...

Немного фантазирую.

Слышу шаги. Не Татико. Тяжёлые шаги. Грузные, четкие. Это что за гости?

- Добрый вечер, - нависают надо мной два здоровых кабана.

- Добрый-добрый, - подозрительно смотрю на них снизу.

- Не подскажите, соседей ваших как дома застать?

- Соседей?... - внимательно оглядываю их.

У обоих мелькает кобура. Менты что ли? Не похожи...

- Соседей здесь уже много лет не было.

Интуитивно не хочу говорить им о Татико. Особенно после намеков Зольниковой.

Один из них кладет кисть на ручку от моего кресла. Задумчиво двигает его туда-обратно.

- Чего на траве-то лежишь?

- А чего бы мне на ней не лежать?

Второй пинает этого по ботинку. Типа, не отвлекайся.

- Не видел соседей, значит?

- Неа.

- Слышь, инвалид... Ты чего лепишь нам? Люди другое в вашей деревне говорят.

- За то, что люди говорят, я не отвечаю.

- Ладно...

Откатывает демонстративно мое кресло чуть дальше от рукохода.

Какой нехороший человек!

Поднимаясь на локтях смотрю им вслед. Уходят обратно на участок Тати.

- Что-то заебался, Сергеич, сюда кататься без толку.

- Шеф сказал пасти это место.

- Нет места, нет проблем.

- Такого приказа не было.

- А это импровизация. Тебя наняли неудобные проблемы решать... Тут без импровизации никак.

В смысле "нет места"?

Перевернувшись на живот, тянусь к колесу кресла.

- Да мать твою! - цежу, психую.

От беспомощности и злости, кровь бросается в лицо. И опять удается встать в упор на колени.

Ух! Отлично!

Рывок вперед, дотягиваюсь.

Тяну обратно, к шведской стенке, прикрученной к дереву.

С ее помощью сажусь в него. Пристегиваюсь.

Взбесили меня эти кабаны.

А отсутствие ног вообще не оправдание для бездействия. Я им и без ног шеи посвора-чиваю.

Снимаю со скамьи у бани замшевые ножны для метательных ножей. Пацаны дарили. Вот, развлекаюсь от скуки иногда. На бане висит мишень.

Засовываю между бедром и стенкой сиденья. На всякий...

Может, они неадекватные.

Подъезжая, слышу плеск. Словно ведро воды плеснули на стену дома. Чувствую запах бензина.

Беспредел...

Куда ты вляпалась, родная?

Достаю телефон, начинаю все это снимать. Потому что один в поле конечно воин, но с братвой как-то повеселее.

Подставляют старый деревянный стул к стене, облитой бензином. Прикуривают оба. Один держит в руке открытую Зиппо с пламенем.

Он бросает зажигалку, стул вспыхивает.

Свистнув, окрикиваю их.

- Эй!

Поворачиваются. Нажимаю несколько кнопок.

- Рот откроешь, твой дом будет следующий, - с угрозой. - Ты ничего не видел.

- Неа... Тушите, мужики. Видео ушло в следственный отдел службы безопасности. Вместе с вашими рожами и эпично летящей зажигалкой. Какая статья за поджог, напомни...

Переглядываются.

- Гонишь.

- Ну иди, покажу... - ухмыляюсь я.

Пламя разгорается.

Кабаны недовольно переглядываются.

Сжимаю рукоять ножа пальцами.

- А ты кто вообще, инвалид?

- Я? Да никто...

- Толян, надо тушить. Эльдар нас сам прикопает.

- Погоди...

Вытаскивает ствол. Чешет на понтах им голову. Значит, не взведен.

Хрень в том, что в кресле беда с размахом и балансом. Это сбивает точность броска. И я ебусь уже неделю с меткостью, пытаюсь приспособиться под ограничение хода руки.

- Телефон кидай.

- Возьми, - тяну ему.

- Кидай!

- Возьми.

Подходит. Эх высоко... С такой позиции только кастрировать или убивать.

Как только касается пальцами телефона, намеренно роняю.

Бросив на меня яростный взгляд, наклоняется.

Захват... Дёргаю на себя. Приставляю лезвие к горлу.

- Ствол медленно вверх.

Поднимает.

- Бросай в кусты.

- Ты чо, мужик?! - кричит он.

Чуть усиливаю давление, кожа на его шее лопается.

- Всё-всё! - закидывает.

- Скажи своему коллеге, чтобы потушил пламя. Или останешься здесь, травку удобрять.

- Тебе ж пиздец!

- Или - тебе. Скорая будет ехать час. Истечешь ты за семь минут, может, за пять. Смотря насколько сейчас боишься. Долбит кровушка в уши? Долбит... Я и так чувствую.

- Сергееич! Туши!

Второй срывается за водой.

На адреналине и в темноте не сразу до меня доходит, что к колодцу. Слышу грохот, мат, мучительные стоны.

- Вот уроды косорукие! - психую я. - Не поджечь, не потушить. И кто-то же вам платит ещё за это.

- Ты живой там, "Сергееич"? - скептически кричу в темноту.

- Сука, ногу, кажется сломал. Встать не могу.

- Во, дебилы... Вас даже убивать не надо. Вы автономные.

Зажимаю ему артерию, жду пока отрубиться.

Корячусь сам со шлангом, тушу чуть прихваченную огнем стену. Вызываю ментов. Сдаю братков. Даю показания...

В показаниях уворачиваюсь от темы соседей. Не общаюсь. Не знаю. Не видел.

Когда их увозят, возвращаюсь в дом.

Не включая свет, прикуриваю сигарету.

- Угостишь?

- Блять, Тати! - подпрыгиваю я на месте. - Держи.

Тяну в темноте сигареты. Чувствую, как забирает из рук.

- Давно ты здесь?

- Нет. Там машины просто чужие... Я испугалась.

- До утра останешься у меня?

- Можно?

- Нужно. Исповедоваться будешь... Каяться.

- Грешна, отче... - хихикает. - На колени встать?

Ааа!..

Вздыхаю.

Что тут ответить?

- Ты голодный?

- Очень...

Глава 15 - А завтра будет утро

Переписываюсь с Зольниковой по поводу отправленного видео.

Объясняю обстоятельства, и чем закончилось.

"У ментов их заберём, пропустим через нашу систему", - обещает она. - "Сударская где?"

Сударская?

- Татико? - делаю глоток красного вина.

К ужину мы решили открыть бутылочку.

Она ищет полотенце побольше.

- Какая у тебя фамилия?

- Папина...

- А кто такая Сударская?

- Я, - вздыхает.

- Ты же - Папина. Ааа... папина? Это ты так хотела съехать с ответа? - скептически дёргаю бровью.

- Не вышло, да?

- А зачем?

- Ну... Мне бы хотелось, чтобы ты был беспристрастный друг. Хотя бы ещё какое-то время.

- Хм.

- До утра, например. Дашь мне время до утра, родной?

- Ладно... - озадаченно киваю.

"Со мной", - отписываюсь я.

"Не говори потом, что я не предупреждала!" - приходит ответ.

"А детали будут какие-то?"

"Просто отпусти ее с миром".

Ну как мне ее отпустить?!

Камин горит. И я горю.

Не просто так, а потому что Тати опять настояла на массаже своим жгучим маслом.

Сама сбежала спастись в душ с горящими руками.

Мое сердце надсадно гоняет кровь.

Татико выходит с мокрыми волосами, обернутая полотенцем.

Глаза горят как у кошки... И взгляд такой. Что хочется скомандовать - немедленно в койку! Шалить и трахаться! Горячо и без тормозов.

У меня едет крыша от нее.

Это какая то чума, вообще!

Пересыхает во рту.

За что, Господи?! Я же никогда не обижал женщин! - закатываю с досадой глаза.

Почему я не могу взять эту?!

Отдай мне эту, и я больше ни одну не попрошу!

- С лёгким паром, - хрипло бросаю я.

Тянусь за сигаретой.

- Спасибо!

Проходит мимо меня на террасу, с волос несколько капель попадает мне на бедро.

Пытается выглянуть за забор, поднимаясь на цыпочки. Икры красиво напрягаются. Чуть наклоняется вперёд, выглядывая дальше.

Под краем полотенца пару сантиметров до ягодич. Ещё чуть-чуть и... Рефлекторно пытаюсь сползти чуть ниже, чтобы заглянуть за этот край.

Ноги - вау...

- Машина стоит... - тревожно.

- А? - прихожу в себя.

- Машина...

- Ну кто-то приедет, заберёт.

- В том-то и дело.

- Я разрулю.

На мне теперь кобура, в ней заряженный ствол. На всякий случай.

Очень хочется провести по ее ноге снизу вверх, и ощутить под рукой плавные изгибы и теплую влажную кожу.

- Я просто хотела взять чистую одежду.

Не надо одежду...

Даже, если нет возможности съесть, все равно хочется порезонировать на этом.

- Возьми футболку мою. В шкафу... - затягиваюсь поглубже.

Бросив на меня искоса взгляд, забирает из моих пальцев сигарету, проходя мимо.

Её губы касаются фильтра там, где касались мои.

Сглатываю ком в горле.

У меня ощущение, что меня снимает женщина. Красиво и уверенно.

А я не могу ответить ей.

Но хочу, пиздец просто...

Бросает сигарету в камин.

Открывает шкаф, присаживается.

Все вещи теперь лежать на двух полках, до которых я могу дотягиваться.

И край ее полотенца все-таки поднимается, скользя вверх по круглым ягодицам. Тати сверкает в сумраке прелестями.

Улыбаюсь...

Нет, ничего не видно. Но даже сам факт будоражит.

Ноги мои пульсируют от прилива крови.

Веду пальцем над коленом. Кожа хреново чувствует. А вот под ней - да. Ощущения стали более внятные.

- А что будет утром, Тати?

- Да плевать... что будет утром! - беззаботно, но самую малость наигранно. - Утром будет утро!

Залпом выпивает бокал вина.

Делает шаг в темноту моей спальни. Боковым зрением ловлю, как сдергивает белое полотенце с тела.

Выходит уже в футболке. Грудь покачивается под тканью, зависая на сосках, продавливающих ткань.

Так...

Опьянев, отвожу взгляд.

Надо это остановить. Я сейчас потеряю контроль над ситуацией и опять попаду в неловкое положение.

- Тати... Давай-ка спать? Ты иди на мою кровать, а я здесь, на диване.

Вдруг гости пожалуют.

Пересаживаюсь на диван, устраиваясь удобнее.

Она выключает светильник.

- И мы потратим последнюю нашу непредвзятую ночь на сон? Я против... - делает глоток из горла.

Черт... Ну вот оно!

Машинально тяну к себе одеяло.

- Мы будем шалить и рассказывать друг другу страшные истории, - светит снизу себе на лицо фонариком.

Как в детстве.

- Какие, например? - шепчу я сипло.

- "Жила-была девочка, сама виновата...". Страшно?

Протягивает мне бутылку вина.

- Истории. Хотел бы я услышать про тебя пару историй. Как жила была девочка...

- Под одеялопустишь? Я замёрзла. И вообще темноты боюсь.

Не дожидаясь ответа, гнездится рядышком, прижимаясь ко мне.

- Тати... - выдыхаю я неуверенно.

- Что? - шепчет мне в губы.

- Ни хрена ты не боишься... - задыхаюсь от близости ее губ.

- Ни хрена я не боюсь, да, - горячо шепчет она.

Рука моя неконтролируемо скользит по ее бедру.

- Я - боюсь. Все испортить сейчас.

- Это будет дружеский секс... - её губы касаются моих. - И завтра... мы про него забудем.

Ааа...

С несдержанным шипением сжимаю ее бедро. Тело мое судорожно дёргается.

Ее язык скользит по моей нижней губе. Голова кружится...

Перехватывая за шею, прижимаю ближе. И закрыв глаза, с упоением вдыхаю запах ее волос, на секунду забывая обо всем на свете, и уплывая в фантазию, что все случится сейчас!

И эти влажные... горячие... движения бедер... Втискиваться в тугую плоть...

Душу готов продать сейчас за это мгновение!

Со стоном выдыхаю. И тихо рычу от того, как накрывает до мурашек на затылке.

Давай, скажи ей Литвин! Что самого охуенного и желанного секса сейчас не случится.

- Я очень хочу... - вжимаю ее за бедра в себя. - Но... Я, блять, не могу. Увы.

Перехватываю ее руку, скользящую по моему телу вниз.

Мы надсадно дышим в темноте.

- "Жил был мальчик, сам виноват?", - дёргает бровями.

- Да. После травмы, я не могу.

- Совесть не позволяет? - с иронией.

- Тело. Проблемы с эрекцией, - морщусь я.

- Вот с этой? - спускается второй рукой вниз.

Чувствую сжатие, и как сводит ягодицы. Но привычного ощущения эрекции нет.

Ловлю ее руку своей. Всё стоит!

Охуев от этой новости, распахиваю глаза.

- О... Фак! Да ты волшебница!

- А ты? Волшебник?.. - пьяно кусает меня за губу. - Мне кажется, да...

Наши кисти ловят друг друга, мы сжимаем руки в замок. Ладони пульсируют.

Ловлю ее губы, целую в засос. Тону в этом чувственном поцелуе.

В эйфории просто взлетаю на седьмое небо! Сердце словно подпрыгивает в горло и колотится там.

Но...

- Подожди... Подожди!

Это что за базар был про завтра?!

Заглядываю ей в глаза.

- Ещё одна проблема... - хриплю возбуждённо.

- М?

- Мы не отдалимся после. Обещай. И я останусь "родной", - прищуриваюсь пытливо, сверля ее взглядом.
- Навсегда, - смотрит мне в глаза.
- Тогда... - оскаливаюсь от нетерпения. - Немедленно трахаться!
- И шалить?.. - прикусывает язычок.
- И шалить...

Глава 16 - Вопросыки

- Я ничего не контролирую... Вообще ни хрена... - возбуждённо шепчу, целуя ее шею. - Понятие не имею, как это будет и чем закончится! И закончится ли вообще для меня...

- Димка! - пьяненько и горячо хихикая вжимается губами мне в ухо. - А если бы это был последний твой секс... Что бы ты выбрал? В ротик... Классически... Или в попку?..

- Мм... - со стоном облизываю губы, закрывая глаза.

Представляю все сразу!

"И побольше... Побольше!".

Задохнувшись окончательно, хриплю в ответ:

- Ты чо мне страсти рассказываешь? Какой последний?! Я только добрался...

- Надо выбрать! - угорает она.

С шипением, пытаюсь определиться между разными кайфами.

Ну не...

- Сначала в рот, потом классически, и кончить в попку.

- Какой ты жадный! - прижавшись губами, смеюсь.

Изнываю от желания, крыша едет.

Ее рука скользит по моему члену.

Мы оба смотрим вниз на него. И, мне кажется, я - с не меньшим любопытством, чем она.

Чего от тебя ждать-то теперь, дружище?

- А ты можешь не кончить, да? - неровно шепчет, облизывая алые от прилившей крови губы.

- Ага...

- А вот если бы... - поднимает вверх пьяный взгляд, фантазируя, - ты бы выбирал...

- Тати! - хрипло угораю над ее вопросами.

- ... Между тем, кончу ли я или кончишь ли ты?... Чтобы ты выбрал?

- Блять, это нечестно! - крепче сжимаю ее руку на себе, дёргая бедрами.

- Ну?

- Ты... Ты - кончишь, я - нет... - сипло бормочу я, врезаясь в нее пальцами. - Конечно - ты...

Ааа! Кайф какой! Вот это ощущение - пальцев в возбуждённой женщине!

И пережить то, что ты не кайфанешь, морально проще, чем то, что женщина с тобой не взлетает. Такие вот у нас, мужиков, заморочки! Особенно, если женщина "твоя"!

- Аа... Ааа! - выгибается, хватаясь за мои плечи.

- Как же ты пахнешь... Кайф!

Впиваюсь в грудь. Сосок скользит по языку. Кусаю губами.... Целую нежную шею, с рычанием, кусаю, не контролируя себя.

Бля-я-ять...

- Стой... Стой... Стой... - задыхается она, уворачиваясь от моих пальцев. - Ещё вопросик!

Стонет нетерпеливо, порхая ресницами.

- Какая же ты отбитая...

- Мяу... - облизывает губы.

- Сядь на него...

Перехватываю из ее руки член, усаживая ее сверху. Медленно опускается, впуская меня.

Закрыв глаза, ловлю как радар все ощущения. Их пиздец как мало, но они есть! Мокро, туго, горячо... Это всё чувствую. Но словно под лидокаином.

Замерев, мы дышим друг другу в губы.

- Какой большой мальчик вырос!... Ах....

Смеюсь ей в губы.

И от долбящего сердца, мне кажется, я поймаю сейчас инфаркт. Оно грохочет на таких оборотах, как обычно бывает на финишной прямой! Вот прямо перед...

- Ммм... - не выдерживаю я.

- Какой же ты охуенный... - закрыв глаза, рисует восьмёрку бедрами. - Идеально!

И плавно вьется на мне.

- Ну... Давай... - кусаю губы.

Должно же это мучительное грохочущее сердцебиение взорваться наконец!

Наклоняется, вжимаясь губами мне в ухо. И выпуская меня так, что только головка остаётся сжатой внутри нее.

- Трахни меня... - горячий выдох в ухо. - Хочу-хочу...

- Тати...

- Да-да-да! Ну да... Пожалуйста!

Дразнит меня, держа под головкой и не садясь глубже.

- Ну ка быстро! Веди себя хорошо!... - шлепаю ее. - Дай...

Отрицательно мычит.

- А я и так кончу, - отпуская меня, ласкает себя пальцами.

- Зараза!... - усмехаюсь, теряя тормоза.

Тело мое психует, и хоть я едва ли чувствую его, но бедра мои двигаются. А это значит - колени... Это значит - голеностоп... Оно само там рефлекторно выдает нужную физику, чтобы я мог врезаться! Без моего участия, словно я первый раз трахаюсь и полностью потерял контроль над этим. И ничего кроме звона в ушах и оглушающей волны неги!

Перехватывая в порыве ее за шею, смотрю в лицо.

Закрыв глаза она стонет. Эмоционально... Мучительно... Выпрашивающе... Блять, это прекрасно!

Трахаю пальцами ее приоткрытый рот сминая губы.

Рыча, врезаясь в горло глубже.

Вскрикнув, наконец опускается на меня полностью!

- Что там про попку было?! - вдавливают пальцами между ягодиц.

- Ай... Яй... Shhh... Литвин!

- Ды-а...

С воплем кусает меня за ухо, сжимая мои волосы. И судорожно вздрагивает на мне!

Бедра мелко дрожат. Ее всю сладко передергивает.

- Дим... Ааа... Ай ... - губы трепетно скользят по моим.

И я наконец-то догоняюсь ее этим открытым трепетным взрывом.

И моя тикающая бомба в груди разрывается следом! Задохнувшись, на долю секунды вырубаясь из реала.

Но привычного ощущения - мгновения сладкого мучительного кайфа нет. Просто вдруг становится легче дышать и все замедляется.

- Так... - шепчу я, облизывая пересохшие губы. - Кто-то попал...

Уверенно заваливаю ее на бок, разворачивая бедра так, чтобы оказалась на моих коленях задницей кверху.

Прижигаю по упругой ягодице.

- Литвин, стой! - хохочет в подушку. - Нет! Это было для твоего блага!

- "У меня вопросик"... - жадно тискаю ее. - Если бы это был последний твой секс... Что бы ты выбрала, детка... По попке... Или в попку? Чтобы бы ты выбрала, м?

- "По"!!

- Трусиха...

Прижигаю ей.

- Будешь вести себя хорошо?

- Да, мой господин! Аха-ха!
- А плохо будешь?..
Тискаю губки.
- Да... Да! Мм... Да...
- Сильно плохо?
- Сильно... Сильно... - лепечет она невменяемо.
- Куда? Не вставать... - вжимаю за шею влицом вниз. - Мне нравится так.
Наглаживая ее, проверяю в кармане пластиковые стяжки для запястий.
Думаешь, сбежишь утром? И каяться не придется?
А вот нихера не выйдет.
Не отпущу... У меня тоже "вопросики"!

Глава 17 - Капкан

Могут ли дрожать от перетраха ноги, если ты их практически не чувствуешь, и они едва ли участвовали в процессе?

О, да!

Жалуюсь? Не-е-ет! Ещё хочу! Такой же марафон "добра". Только бы отдышаться немного...

Мерзкая, унижительная петля неполноценности куда-то исчезла с моего горла.

И много от чего отпустило. И от чувства вины за себя, и от чувства стыда, и от злости на всех вокруг. Много чего там за броней жило своей жизнью и душило, что усилием воли я пытался держать на поводке.

А сейчас мне кайфово и легко!

Рассвет...

Моя рыжая кошка спит на животе, сдавленная грудь охуительно красива с этого ракурса...

Я разглядываю ее лицо. У нее веснушки на носу, и выющаяся прядка прилипла к щеке. Истерзанные губы чуть приоткрыты. И сейчас я абсолютно точно узнаю эти губы по каким-то микро признакам - припухлости, многочисленным бороздкам и тонкости кожи.

Любая мало мальская травма и губы Татико взрывались кровью, долго кровоточили. Нежные. И чувствительные, как оказалось. Волшебная моя.

Я смотрю на ее лицо и...

Из моей Татико, какой я ее помню, могло вырасти несколько разных женщин. Совершенно друг на друга непохожих.

Ее пытливость и безбашенное любопытство могли превратиться в какую-то одну историю. Ее самоотверженность, прямота и горячее сердце - в совершенно другую. Ее шиложопость, отчаянность и шкодство - в третью. Ее нескончаемые фантазии - в четвертую. И так можно продолжать до бесконечности. Она была разная...

Она и сейчас разная. Словно рубильник переключают. Я не могу понять какая она!

Но я вдохновлён и даже влюблен, кажется...

Потому что вместо того, чтобы вырубиться, лежу вот, любуюсь на нее спящую, улыбаюсь, немного мечтаю о будущем.

Концепция дружеского секса летит к чертям. Хочу эту женщину полноценно.

Целую в обнаженное плечо.

На мой детский восторг и привязанность, ощущение родства, наложились ещё чисто мужские штуки - страсть, чувство собственности, азарт... и нежность.

Рисую по изящной спине подушечками пальцев.

Мурлыкнув, прогибается во сне, чуть приподнимая бедра. И расслабляется снова.

Я встану с этого кресла. Вообще ни секунды не сомневаюсь, теперь. Ее не обломал я такой. Поэтому для нее хочется особенно! Любые преодоления, любые, только в кайф!

"Те, кто поддержал меня, когда я падал, теперь держитесь, мы взлетаем!".

Куриль хочю.

Это вдруг возвращает меня в реальность, поднимая адреналин.

Пересаживаюсь на свое кресло. Ноги покалывают, словно затекли и теперь отходят. Я уже и забыл, что бывают такие ощущения. Секс животворящий и женщина огонь!

Вещи наши валяются на полу, у дивана. Кобура со стволом незаметно убрана под диван.

Зачем пугать женщин оружием? Не люблю я им понтоваться.

Одеваюсь, возвращаю все на место.

Достаю из кармана стяжку. Широкая и твердая. Ножницами не перерезать.

Кручу в руках.

Ну спит же вроде. Только вырубилась...

- Тати...

Не реагирует.

А если всё-таки сбежит? - прислушиваюсь к себе.

Я очень обижусь. Прямо насмерть, блять!

А обижаться на женщину, ну такое, Литвин. Поэтому лучше управлять происходящим, чем потом сожалеть об неуправляемом.

Прикасаюсь к тонкому запястью. От щекотки встряхивает рукой. Ловлю за пальцы, не позволяя забрать. Аккуратно затягиваю одну стяжку на запястье, не сильно. Другую - на стальном поручне в изголовье, который мне помогает подниматься. Между ними делаю звено из ещё одной стяжки, чтобы не натягивать ее руку.

Ну вот. Так надёжнее.

Пусть лучше обидится она. Это я уж как-нибудь разрулю.

Разжигаю камин. Ночь была прохладная. Утро тоже свежее, а она обнажена.

Выезжаю на террасу, оставляя приоткрытой дверь. Камин немного дымит, когда разгорается.

Прикрывая глаза от кайфа и расслабухи в теле, курю.

Щелкаю позвонками.

На небе ещё виден месяц, хотя оно уже светлое и на горизонте зарево.

Хлопок дверями тачки. Какой-то движ за воротами.

Пойти, что ли, пообщаться?

Не люблю когда херня неуправляема. Любой пиздец надо возглавлять.

Выезжаю за ворота, на дорогу.

Два мужика.

Один, судя по выправке военный. Приехали на своей тачке, забирать вчерашнюю. Номеров на обеих нет. Скручены.

Интересно...

Тот, что помоложе, толкает в плечо старшего, "военного", кивая на меня.

Оборачивается.

- Доброго утра! - пытливо прищуривается.

- И вам доброго.

Идёт в мою сторону.

- Сергей, - тянет руку.

Старше меня на десятку. Глаза светлые, выцветшие, жёсткие. Звание было... подпол, наверное. До полковника вряд ли дослужил, судя по возрасту. Ушел. Или вылетел.

Часы дорогие... Тату старая выцветшая на кисти, едва считывается "ВДВ". Армейская ещё наверное.

- Дмитрий, - пожимаю.

- Наши люди здесь вчера немного берега попутали. Побеспокоили хорошего человека... Мы просим нас извинить.

- А "мы" - это кто?

- А "мы" - это тоже хорошие люди. Профессионально Вы их укатали. Моё почтение.

- Да перестаньте... Темно, бревна, грабли... Сами убились, я только ментов вызвал.

- Ну да. Мы их сами накажем, Дмитрий. А вам беспокойство компенсируем. Просим Вас только забрать заявление. Хороший человек не хочет скандалов, связанных с ним. Он им таких приказов не отдавал. В чистом виде их тупая инициатива.

- Так уже вряд ли поможет. Их со стволами взяли. Заявление большой роли не играет.

- А это мы сами с ментами порешаем. Вы главное заберите. А мы Вам, хотите, в лучшем центре Москвы реабилитацию оплатим. Самую эффективную программу.

Пробили уже?

- Нет, спасибо. Я уже на самой эффективной программе.

И на ней и под ней, и вообще...

- Тогда... просто бабки. Бабки лишними не бывают.

- Это факт. Но нет. Денег тоже не надо.

- А что нужно?

А нужно взять вас под контроль, хорошие люди. Кто Вы. Что Вы. Нахрен Вам Татико. Да и вообще...

- Вы, Сергей, бывший военный...

- Хм.

- В звании подполковника ушли?

- Допустим.

- Сейчас - служба охраны? Охранное агентство? Служба безопасности?

- Последнее.

Ухмылка.

- После реабилитации, если попрошу, возьмёте к себе? Хочу "удочку, а не рыбку".

Задумчиво смотрит мне в глаза.

- Хорошие спецы всегда нужны.

- Ну тогда по рукам?

Жмём руки. Отдает визитку. Ну вот, уже информация.

- Заявление заберу.

А с Зольниковой Вы один хер не договоритесь. Она их уже запеленовала. Не вытащите.

- Ну и вопрос у меня... Соседи Ваши...

- Да спрашивали Ваши архаровцы. Может и живёт кто. Да я, знаете, встреч не ищу, - хлопаю по поручням кресла, намекая на свое состояние. - Один сюда приехал побыть. Не знаком с соседями.

- Ясно-ясно... Вы мне позвоните, если вдруг, кто-то там появится. Разговор у нас к человеку... Мы в долгу не останемся.

Киваю.

Охуенные у вас разговоры, пламенные!

- Всего хорошего тогда?

- Увидимся, - сдержанно улыбаюсь я. - Увидимся...

Забираю со скамьи секатор, чтобы перерезать пластик. Открыть их нельзя. Только срезать.

Возвращаюсь в дом.

Застаю ее за тем, что прикусив от боли губу и не моргая, она решительно вытягивает руку из пластиковой петли, организуя себе вывих большого пальца и сдирая нарочь кожу.

Я затащил лишь слегка и у нее есть шанс выдрать кисть. Но выдрать - не фигурально! А как лапу из капкана. С охуенными потерями!

Открыв от шока рот, просто смотрю, как она упорото тянет руку, упираясь второй в стену. И надсадно дышит, словно не в себе.

- Тати!

Вздрогнув, оборачивается.

- Какого хуя ты делаешь?! - задохнувшись, рявкаю на неё.

Хлопает растерянно глазами, словно приходя в себя.

- Ты чо?!...

Подъезжаю к ней, ловя руку. Все в крови.

- Ты что наделала?!

- Я испугалась... - медленно смыкаются и распахиваются ее ресницы.

Просто, блять... нет слов.

И я, потеряв дар речи, развожу руками... взъерошиваю волосы обескураженно.

- Ну пиздец... Твою мать... - сжимаю переносицу.

Ее взгляд становится обиженным. Физически чувствую как закрывается. Натягивает на себе одеяло, словно почувствовав уязвимость передо мной.

- Разрежь... - смотрит на секатор в моей руке.

Отрицательно качаю головой.

- Дим?... - настороженным шепотом.

- Нет.

Глава 18 - Каникулы кончились

Татико

Приступ панической атаки отступает.

Вообще моей психикой можно кирпичи ломать. Но иногда она внезапно подламывается, как ноги танцовщицы, которая в угаре танцевала всю ночь. И я со всего размаха лечу лицом об пол. Вот как сейчас... И утираю кровавые сопли.

Рука начинает пульсировать и ужасно болеть.

Откат адреналина вызывает слабость и равнодушие. И это тоже скоро пройдет. Надо просто подышать.

Подтягивая ноги, съезживаюсь, и молча закрываю глаза.

- Тати, поговори со мной, пожалуйста.

Меньше всего сейчас я хочу говорить о чем-то. Внезапно чувствую себя уставшей, больной...

- Тати... Я сейчас принесу аптечку.

- Дай мне секатор.

- Чуть позже. Извини... - тянет руку к моему лицу.

Хмуро отстраняюсь, не позволяя. Ненавижу это... Когда насилие пытаются замазать потом лаской.

Смотрю в его глаза.

Ты точно знаешь этого мужчину, Татико? Столько лет прошло. Твой Митяй из прошлого не посмел бы сделать так. Люди меняются...

- Тати... - подрагивает его лицо.

Переживает.

Нет, Митяй это точно не источник моего пиздеца. Мне неприятно, что он сделал так. Но... Я это переживу.

Он возвращается с аптечкой. Хмурясь, аккуратно обрабатывает мне ссадины мирами-стином.

- Давай, я сниму это, а ты никуда не уйдешь, - сосредоточенно протирает мои ссадины.

- Я ведь даже извиниться искренне не могу Тати. Не сделай я так, тебя ведь уже бы не было, верно? Поговори со мной...

Срезает кусачками пластик.

Тяну к себе руку.

- Расскажи мне что у тебя происходит.

Встаю, поспешно натягиваю на себя ещё сырые вещи.

- "Татьяна Сударская". Погугли.

- Ну зачем ты так?

- Как?

Протирает лицо руками.

- Ладно. Могу искренне. Извини. Извини! Я не прав. Я слишком много на себя взял. Извини. Не уходи.

- Ты не останавливайся, пожалуйста, ладно? - веду пятерней по волосам. - Ты должен встать. Обещаешь? Ты можешь, все у тебя работает.

Вытягивает сигарету, щелкает зажигалкой прикуривая.

- Это мы так прощаемся? - сглатывает он тяжело.

Пожимаю плечами.

- А если я не хочу? Это так несправедливо! Я даже не могу тебя тормознуть.

- Жизнь несправедлива.

- Татико... Запиши мой номер, пожалуйста.

- Зачем, Дим?

- Может быть... Ты остынешь, и вспомнишь снова кто я, кто мы друг другу. Соскучишься.

И... напишешь мне.

Этот большой и brutальный мужчина так раним сейчас, что я вдруг вижу в нем своего Митяя. В каких-то мимических тонкостях. А может, просто чувствую душой. Вот же он, вот он, просвечивается через эту щетину и мускулатуру.

- А может быть, тебе нужна будет помощь. И я буду рядом. Буду делать все для тебя.

- Дим... Давай теперь по честному. Я проблемная... ненормальная... не повзрослевшая идиотка. Со своими, - притрагиваюсь пальцами к виску. - Идеями фикс, неадекватным восприятием происходящего и, самое главное, нежеланием это исправлять. Со мной сначала весело. А потом я утомляю! Я и тебя утомлю. Гарантирую.

- Нет.

- Да.

- О чем мы спорим?! Ты уходишь не из-за этого! Я хочу понять почему ты уходишь от меня. Если из-за моей борзоты с наручниками, то я, блять, прошу прощения, я не прав! - нервно срывается он. - Если по какой-то другой причине - озвучь ее честно и понятно для меня! Всё!!

Легко сказать...

- Димка, я тупая и импульсивная, можно я без объяснений?

- Нет, Тати, нельзя. Нельзя! Я живой человек. У меня есть чувства. Не надо со мной как с петрушкой!

- Ладно.

Я вдруг перестаю на него сердиться за наручники. Потому что может, с тупой я и погорячилась, но импульсивная, этого не отнять. И вот там накатило, а сейчас отпустило.

- За наручники - проехали, не сержусь.

- А чего ты мне тут херню несёшь про надоем-утомлю?!

- Это, Димка, обезболивающее.

- А причина?

- Я под следствием, Дим. Меня следак выпустила только потому что я подписалась следствию помогать. И как-то по тупости и наивности, мне вдруг показалось, что я могу увернуться от этого обязательства.

Выкрасть дочь и рвануть в Грузию, там затеряться.

- Но... следак мой - овчарка опытная. Не дала съехать. Короче, плохая девочка из меня выросла, Димка. А ты нормальный, хороший... У тебя все будет хорошо. А мне пора... отрабатывать доверие "органов".

- Зольникова?

- Что?! - распахиваются мои глаза.

- Овчарка твоя - Зольникова?

- Эм...

Растерянно затягиваюсь дымом.

- У меня подписка... Дим, а ты вообще кто?

Откуда ему знать про Зольникову?!

- Мужчина твой, - сурово смотрит на меня.

Черт...

- Не прокатил секс по дружбе?

- Неа.

Сажусь к нему на колени, обнимаю, молчу. Веду носом по волосам, запоминая его охренительный запах.

Его обветренные губы скользят по моим плечам.

- Тати, - кладет мою ладонь на своё сердце.

Оно грохочет.

Вжимаюсь губами в ухо.

- Я бы очень хотела, Дим... Очень.

Срываюсь, и не оглядываясь сбегая.

Потому что ещё мгновение, и я перестану понимать, как идти в руки к Эльдару... А я должна.

- Татико! - рывкает он.

- Нет... нет... нет... - бормочу сама себе, ускоряя шаг. - Не надо, Митяй. Всё. Каникулы кончились.

Литвин

Впору бежать за женщиной и вытрясти из нее всё. Но это мне недоступно. От беспомощности

я настолько впадаю в апатию после ее ухода, что даже не пытаюсь "гуглить" - что там за херня с ней случилась. Я хотел, чтобы она рассказала мне. Сама! Как кретин пялюсь в пустоту.

Ну... Нет. Нет!

Я не согласен.

Что делать будешь, Литвин?

А я не знаю.

И пока я пялюсь в пустоту, приходит тетушка.

- Димочка, что на завтрак будешь?

- Не голоден... Спасибо...

- Кира что ли приезжала?

- Нет...

- На обед что приготовить?

- Ничего не надо, спасибо.

- Что с тобой?

- Я... погуляю.

- Дождь там собирается.

- Ничего...

Мне хочется подальше от людей. И я машинально, застряв в своих уничижительных мыслях, еду в сторону леса. Оказываюсь за домом Татико, в поле. Над головой сверкает молния и раздаётся оглушительный треск.

Не очень классно на металлическом кресле оказаться в поле в грозу. До дома метров шестьсот.

До леса - метров пятьдесят. Там густые кроны. И я нерешительно поворачиваюсь то туда, то обратно. Ливень обрушивается непроглядной пеленой.

- Мля...

Решаюсь всё-таки под кроны. Такой обычно десять минут пролёт и успокаивается.

Заехав по тропинке в гущу леса, проезжаю чуть дальше, стараясь слишком близко не вставать рядом со стволами. Нахожу относительно сухое место.

Засовываю сигарету в рот, щелкаю зажигалкой. Глубоко затягиваюсь и, поднимая взгляд, застываю.

Встряхиваю головой, пытаюсь развеять глюк.

Потому что метрах в пятнадцати от меня Татико. Но не та, которая ушла от меня сегодня. А моя маленькая Татико. Такая, какой я увидел ее может быть первый раз в жизни. Совсем маленькая. Заплаканная и с ободранными коленями. В лесу. Одна. Но это безусловно она!

Всё, Литвин, пора в дурку...

Глава 19 - Близится гроза

Береговое ближе к городу километров на пятнадцать и все выкуплено под дачи элит. Но это если по трассе.

Хотя, если идти напрямую через лес от моего дома до дома Эльдара, километров пять-шесть.

Еду на такси.

У нас в Минино все по-деревенски, уютно, мило, а здесь - очень цивилизно, дорого. Даже СПА с бассейном есть и тренажерный зал.

Достаю из сумочки деньги, пересчитываю. Это последние. Подарок Эльдара на рождение дочери продала. Дорогие брендовые часы. Забираю несколько купюр.

В центре поселка салон, мультибрендовый бутик, кофейня и дорогой ресторан "Прожарка". Мы оттуда часто заказывали разнообразный "гриль".

Захожу в салон.

- Здравствуйте, - кладу сразу деньги на стойку.

Потому что выгляжу я не респектабельно. Кроссы, джинсы, майка. А тут встречают или по одежке или по деньгам.

- Мне нужно быстро. Освежиться, уложиться, нюдовый макияж и шиммер на декольте, руки, бедра. И быстро-быстро... - кручу пальцем в воздухе, придавая им ускорение. - Чего застыли?

Натягивая дежурные улыбки, две феи красоты срываются ко мне.

Сто лет в салоне не была...

Сидя на кресле, закрываю глаза, улетаю в эту ночь. Между бедер подрагивает и вибрирует, тело расслаблено, от эндорфинов кружится голова. Улыбаюсь, прокручивая снова и снова самые горячие и чувственные моменты. Хочу запомнить.

Да, Литвин... это было хорошо! И физика тут не самое главное. Эмоции перекрыли все погрешности. И даже его нахальные наручники с утра. Моя кисть перебин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.